

Наследство в Тоскане

Автор:

Джулианна Маклин

Наследство в Тоскане

Джулианна Маклин

Novel. Мировые хиты Джулианны Маклин

ЖИЗНЕУТВЕРЖДАЮЩАЯ ИСТОРИЯ, КОТОРАЯ ИДЕАЛЬНО СОЧЕТАЕТСЯ С БОКАЛОМ ВИНА.

Всего один телефонный звонок перевернул мир Фионы Белл с ног на голову. Биологический отец, которого она никогда прежде не видела, умер и оставил ей в наследство шикарный дом и изумрудные виноградники в Тоскане.

Бросив все, Фиона отправляется в солнечную Италию, где тридцать лет назад ее мать оказалась втянута в головокружительный роман. То лето изменило судьбы многих людей и оставило за собой вереницу тайн.

Теперь Фионе предстоит не только разобраться с новоиспеченными родственниками, но и выяснить, что произошло тем летом и почему хранить чужие секреты – это так горько...

Искрящееся вино, чарующие ароматы и залитые янтарным солнцем виноградники... Это история о любви, семье и тайнах прошлого, хранящихся на старой винодельне в Тоскане. Скорее берите бокал и наслаждайтесь красочным путешествием в Италию!

«Эта трогательная история о любви и потере, о тоске и предательстве среди виноградных лоз в Тоскане – просто спасение в беспокойные времена». – Риз Боуэн, автор бестселлеров «Дворцовый переполох» и «Золотой ребенок Тосканы»

«Богатые описания и внимание к деталям заставят вас дышать тосканским воздухом, а запутанные лозы из правды и лжи – усомниться в том, что правильно. Рекомендую прилечь с бокалом итальянского вина и насладиться каждой страницей». – Донна Олвард, автор бестселлеров New York Times

«“Наследство в Тоскане” – это захватывающий роман, который исследует сложность человеческого сердца. Эта проникновенная и глубоко романтическая история разбила мне сердце. Не оторваться!» – Аманда Проуз, автор мировых бестселлеров

«Эмоциональная история о любви, семье и прощении. Она одновременно душераздирающая и обнадеживающая; я переживала за каждого героя». – Рошель Вайнштейн, автор бестселлеров USA Today

Джулианна Маклин

Наследство в Тоскане

Julianne MacLean

THESE TANGLED VINES

Copyright © 2021 by Julianne MacLean Publishing Inc.

This edition published by arrangement with Taryn Fagerness Agency and Synopsis Literary Agency

© Бялко А., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Глава 1. Фиона. Флорида, 2017

Меня разбудил телефонный звонок. Должно быть, это была фаза глубокого сна, потому что я слышала этот звонок сквозь сон, но мне казалось, что он – часть моего сна, и я не отвечала. Так что я открыла глаза только где-то на четвертом звонке.

Повернувшись на бок, я нашарила на прикроватной тумбочке телефон, схватила его и нажала кнопку ответа.

– Алло?

Женский голос с сильным итальянским акцентом произнес:

– Бонджорно[1 - Buongiorno (ит.) – доброе утро.]. Мне нужна Фиона Белл. Это правильный номер?

Глядя на тусклый свет занимающегося утра, я приподнялась, опершись на локоть, и прищурилась, глядя на часы. Еще даже не было семи утра.

– Да. Это Фиона.

– А, бене[2 - Bene (ит.) – хорошо.], – сказала женщина. – Меня зовут Серена Моретти, и я звоню из Флоренции, Италия. У меня есть для вас новости. Правда, боюсь, они не будут хорошими.

Оперев голову об изголовье кровати, я прижала ладонь ко лбу и крепко зажмурилась. Если эта женщина звонит из Италии, это может означать только одно. Это связано с моим отцом. Моим настоящим отцом. Которого я никогда не видела.

– В чем дело? – невнятно спросила я, пытаюсь заставить работать сонный мозг.

На том конце телефонной линии повисла долгая пауза.

– Простите меня. Я только что сообразила, сколько у вас времени. Кажется, я неправильно подсчитала разницу во времени. Я вас разбудила?

По окнам моего дома во Флориде застучали тяжелые капли дождя, пальмовые ветви захлопали по стеклам.

– Да, но ничего страшного. Мне все равно пора было вставать. Так в чем же дело?

Женщина прокашлялась.

– Мне очень жаль сообщать вам это, но ваш отец, Антон Кларк, прошлой ночью скончался.

Ее слова звучали у меня в ухе, но я не могла ни осознать их, ни сообразить, что же нужно сказать в ответ.

Я приподнялась, стараясь сесть повыше, и попыталась придумать нужные слова. Мне хотелось сказать правильные вещи, но это было не так-то просто, потому что в моей голове, словно торнадо, вихрились эмоции. Конечно, когда кто-то умирает, это всегда ужасно – и мне было очень жаль, – но этот человек был мне совершенно не знаком. Я не знала о нем ничего, кроме того, что моя мать забеременела от него, когда они с папой были в Тоскане тем ужасным, трагическим летом тридцать один год назад.

Я не имела представления, что же произошло между этим человеком и моей матерью, потому что мама была под действием сильных лекарств и не могла – а может быть, не хотела – вдаваться в подробности, швыряя в меня эту гранату. Она уже была при смерти и, должно быть, тоже понимала это.

– Не смей говорить об этом отцу, – сказала она. – Он думает, ты его дочь, и правда его убьет.

Так что вот. Мама не сказала мне про моего настоящего отца ничего, кроме его имени и национальности, но наложила на меня в мои восемнадцать лет обет молчания и убедила в том, что если я когда-нибудь начну задавать вопросы насчет своего зачатия или проболтаюсь о чем-то, то буду в ответе за смерть

своего отца.

Так что следующие двенадцать лет я хранила этот ее секрет, потому что верила – правда на самом деле может убить моего отца. Я и сейчас продолжала в это верить – в том состоянии здоровья, в каком находился мой отец, каждый прожитый день был и испытанием, и благословением. И я держала тайну своей матери погребенной в самых темных глубинах своего сознания. Я заставила себя забыть о том, что она мне сказала. Я вытеснила это из своего мозга. Притворилась, что этого не было, что это всего лишь часть одного из моих ночных кошмаров.

Но вот из Италии звонит женщина, которая что-то об этом знает.

– Мне очень грустно слышать это, – сказала я. – Как это произошло?

– Это был внезапный обширный сердечный приступ, – объяснила женщина. – Он скончался еще до приезда «Скорой помощи», и они не смогли ничего сделать. Я надеюсь, вас немного утешит то, что смерть была быстрой. Он находился в своем доме. Он не был один.

Я с трудом сглотнула.

– Понятно. – В своем доме. Внезапно от этого он стал для меня более реальным – настоящий, живой человек, который существовал всегда, всю мою жизнь, а теперь умер. Вот так просто. И его больше нет на этой планете. Его опустят в землю. Зарюют. И это будет не просто где-то в моем сознании. Я никогда его не увижу.

– Ну... Хотя бы это хорошо... что он не мучился.

Наступила неловкая тишина, и мне стало стыдно, что я не испытываю никакого горя, но что я могла поделать? Я чувствовала только неловкость и своего рода болезненное любопытство, думая, правда ли, что я больше не смогу его увидеть. Я ведь даже не знала, как он выглядел. Он же не сможет воскреснуть?

И тут до меня дошло – мой настоящий отец не только знал о моем существовании, но считал меня достаточно значительной для того, чтобы мне

сообщили о его кончине. Я-то всегда думала, что моя мать хранила свой секрет и от него тоже.

– Простите, – сказала я, отчаянно стараясь заполнить паузу. – А как вы связаны с моим... – Мне с трудом удалось выдавить из себя это слово. – Откуда вы знали моего отца?

– Я снова должна извиниться, – ответила она. – Мне следовало представиться. Я работаю в юридической конторе Донателло и Коста. Мы были официальными представителями вашего отца в Италии, и я звоню вам именно поэтому.

Я еще выше приподнялась на подушках, чувствуя, что окончательно проснулась.

– Ваш отец признал вас своей наследницей по завещанию, – пояснила она. – И нам нужно, чтобы вы подписали соответствующие бумаги.

– Погодите... Он – что? – Казалось, мое сердце сейчас провалится куда-то в желудок.

– Похороны пройдут в понедельник, после чего в Тоскане будет официальное прочтение завещания для членов семьи. Фиона, я понимаю, что это очень короткий срок, но вы сможете прилететь?

Я ощутила быстрый, резкий прилив жара во всем теле при мысли о самостоятельном путешествии в Европу, чтобы встретиться с семьей человека, которого я никогда не хотела – и не ожидала – узнать. Что бы он мне ни оставил, я этого не хотела. Этот человек принес моей матери лишь неприятности и позор в день ее кончины. Я видела все своими глазами, когда она рассказала мне правду. Лежа на смертном одре, она с трудом об этом говорила. Что бы между ними ни случилось, для нее оно не было приятным воспоминанием.

Ну и, кроме того, как я объясню все это папе? Любящему отцу, который вырастил меня? Я же не могу вот так взять и признаться в том, что была нечестна с ним больше десяти лет. Что я на самом деле не его дочь, да еще хранила от него такой важный секрет. Это просто разобьет ему сердце. А он и так столько всего пережил – так много тяжких потерь.

Я неловко поерзала на постели.

– Хм... Слишком много информации, вот так внезапно... Я не уверена... – Я с трудом сглотнула. – А мне действительно необходимо присутствовать лично? Ну, в смысле, это дальний путь, и, если честно, – я не была близка... – Слово отец снова застряло у меня в глотке, и я быстро нашла ему замену. – Я не знаю, насколько вы, миссис Моретти, в курсе всей ситуации, но я никогда даже не встречалась с мистером Кларком. Я всегда считала, что он обо мне не знает. В любом случае, он никогда не предпринимал попыток общения со мной, вот почему все это так неожиданно. Я совсем не знаю его семью, так что мое присутствие там может оказаться неуместным. И мне не хочется оставлять своего отца. Я нужна ему. Не могли бы мы сделать все это по факсу или по электронной почте?

Миссис Моретти какое-то время помолчала.

– Я знаю, что вы не принимали участия в жизни мистера Кларка, но он очень подробно выразил в завещании свои пожелания. Фиона, я не буду ничего скрывать. Он оставил вам некоторую собственность, и именно поэтому я думаю, что вам надо приехать, увидеть ее, все оформить и уже потом решать, что вы хотите с ней сделать.

– Собственность, – мои брови поднялись в изумлении. – В Италии? И сколько же это? В смысле – сколько это может стоить? – Я зажмурилась и потрясла головой. – Господи. Извините. Это прозвучало так алчно. Я вовсе не жадный человек. Я просто очень удивлена. И смущена. Я не ожидала ничего подобного.

– Пожалуйста, не извиняйтесь, – сказала миссис Моретти. – Я застала вас врасплох. И я хотела бы рассказать вам больше о вашем наследстве, но я не знаю ничего, кроме того, что уже сказала. Все это довольно сложно. Ваш отец был британским подданным, так что это британское завещание. Завтра сюда приезжает юрист с оригиналами документов. Я просто посредник, который старается собрать всех тут, на месте, чтобы сообщить все детали.

Он был англичанин? Я всегда считала его итальянцем.

Прижав кулак ко лбу, я пыталась все обдумать. Мне только что сообщили, что я унаследовала от незнакомца какую-то собственность в Италии. Я не имела

понятия, сколько она может стоить, но было бы глупо отказываться от нее. Видит бог, нам нужны были деньги. Папино лечение обходилось недешево.

Значит, так. Мне надо принять тот факт, что я должна немедленно купить билет в Италию, отпроситься с работы и придумать, как объяснить все это папе.

– Ладно, – сказала я. – Я постараюсь сегодня же взять билет. Куда мне лететь? В какой город?

Я услышала, как на том конце трубки шуршат бумаги.

– Вам надо лететь во Флоренцию. Я организую, чтобы вас там встретил шофер, который отвезет вас в Монтепульчано. У вас есть имейл, куда я могла бы прислать всю информацию и контактные телефоны? И не могли бы вы мне дать номер мобильного, который я внесла бы в документы?

– Да. – Я назвала всю нужную информацию, и миссис Моретти пообещала через несколько минут прислать мне сообщение.

Закончив разговор, я повесила трубку. Какое-то время просто сидела в постели, глядя широко раскрытыми глазами на одну из своих картин на стене – ту, где мне казалось, что я стою на краю высокого скалистого утеса и смотрю на бесконечное бурное море. Я написала ее год назад, незадолго до того, как мы расстались с Джейми. Меня пробрало холодом до костей, и я задрожала.

Мой биологический отец умер и почему-то вспомнил обо мне в своем завещании.

Отвернувшись от картины, я сбросила одеяло. Потом встала с постели, решив, что перед тем, как открыть компьютер и начать искать билеты, мне необходима чашка кофе. Пока я искала и натягивала халат, ветер выл в застрехах, как какой-то зверь, и я чувствовала, как меня затягивает в облако печали.

Он же не был мне настоящим отцом, пыталась я уговорить сама себя, потому что ну какое же отношение к отцовству имеют анализы ДНК? Нас не связывало с этим человеком ничего личного, ни любви, ни верности, никаких признаков, естественных для любой нормальной семьи. Миссис Моретти произнесла по телефону именно это слово. «В Тоскане состоится официальное прочтение

завещания для членов семьи». Включая меня.

Я же даже не знаю, кто все эти люди. Его другие дети? Возможно, мои братья и сестры? Жена? Его братья? Сестры? Кузены? Мне не было места среди них, ну разве что туда не явятся другие незаконные дети вроде меня. Может, у нас даже найдется что-то общее. Но я понятия не имела, что именно. Я ничего не знала.

– Что-то ты рано встала для воскресенья, – сказала Дотти, когда я вошла в кухню.

Дотти – наша ночная сиделка. Она работала у нас уже много лет, и я обожала ее за то, что она всегда была бодрой. Во время работы она напевала себе под нос, красила волосы в розовый и лиловый, игриво кокетничала с папой, что всегда вызывало у него улыбку, даже в самые тяжелые дни. Все наши сиделки и помощники были чудесными, но никто, кроме Дотти, не удержался больше полутора лет. Они приходили и уходили, что в общем даже не было удивительно. Ухаживать за полностью парализованным человеком – работа не из легких.

– Ну да. Ты слышала, как звонил телефон? – спросила я.

– Слышала, но ты сняла трубку раньше, чем я успела подойти. Кого это угораздило звонить людям в семь утра в воскресенье?

Непонятно как я тут же придумала ответ:

– Моя начальница. Расскажу попозже, а как дела у папы? Как он спал?

– Как дитя.

– Хорошо, – ответила я. – Потому что сегодня же день кино.

Папа любил кино и настоящий театр, и для него было очень важно иногда выходить куда-то из дома. Раз в неделю Джерри, наш помощник по выходным, возил его на какой-нибудь утренний сеанс. А я использовала эту возможность и

скрывалась в своей импровизированной студии в гараже, чтобы порисовать. Это была моя единственная возможность вырваться из плена домашних дел.

По крайней мере, папе повезло, что его руки до запястий хоть как-то двигались. Все наши сиделки год за годом изо всех сил старались сохранить тонус мышц. Благодаря этому папа всегда мог пользоваться компьютером и приложением для распознавания голоса и писать. В свое время он был довольно успешным писателем, автором триллеров, издавшим три книги, но в последнее время он писал статьи для организации, которую они с мамой создали в 1996 году для того, чтобы собирать деньги для исследований спинного мозга. Так что уже много лет папа не писал ничего художественного, кроме нескольких коротких рассказов. Думаю, романы отнимали у него слишком много сил, но, если честно, мне кажется, что они не так уж хорошо продавались. Первый, может, и да, а второй и третий стали для издателя разочарованием.

И я могу предположить, что в свое время это было очень тяжело для папы. Единственное, что он мог делать, – это писать.

Если не считать этого, он был самым отважным человеком из всех, кого я знаю. Его спинной мозг был поврежден в аварии, случившейся еще до моего рождения, так что я никогда не видела его передвигающимся самостоятельно. Но, подрастая, я всегда знала, что он любит меня и я для него ценнее всего на свете. И я никогда не считала его неполноценным в сравнении с отцами других детей. Я знала, что у нас все по-другому, но не чувствовала себя в чем-то обделенной, и на это у меня было множество разнообразных причин.

Например, когда я была маленькой, он позволял мне сидеть у себя на коленях, разъезжая по дому в своем электрическом кресле-коляске и выписывая круги, пока я не закатывалась смехом. Кресло передвигалось нажатием кнопки, и он управлял им с помощью пульта, который давал и мне, даже когда я была еще совсем мала. Мы с ним устраивали полнейший беспорядок, когда я врезалась в столы, опрокидывала лампы и роняла с полок шкафов стопки книг. Ооопс, было тогда нашим любимым словом, и мы оба знали, что это сердит маму, которой приходилось убираться за нами. Все это было еще до того, как нам понадобились круглосуточные сиделки. Мама была готова ради отца на все, и эта ее привязанность к папе передалась и мне. До своих восемнадцати лет я была абсолютно уверена, что мы из-за всех ежедневных трудностей – самая любящая и сплоченная на свете семья, особенно когда папе приходилось находиться в больницах из-за многочисленных инфекций, каждая из которых

могла убить его. Тогда он был очень хрупок и уязвим. Как и сейчас.

Но потом мама внезапно умерла от аневризмы сосудов мозга, и я узнала про секреты и ложь. Тогда мне открылось, что люди не всегда таковы, какими стараются казаться. Конечно, кроме моего папы. Он всегда был настоящим. И все, чего я хотела после маминой смерти – это защищать его и заботиться о нем, чтобы он был здоров и счастлив. Я не могла потерять и его тоже.

И потому хранила мамин секрет.

– Так вот, насчет звонка... – обратилась я к Дотти, которая опускала в тостер кусок хлеба для меня.

– Что было нужно этой твоей начальнице? – спросила она. – Надеюсь, это что-то важное.

– Да, – ответила я. – Она попросила меня заменить ее на той неделе на конференции в Лондоне. Она должна была там выступить с презентацией, но свалилась с желудочным гриппом и спрашивала, не смогу ли я поехать вместо нее.

Дотти взглянула на меня.

– Правда? В Лондон? В Англию? Туда, где живет королева?

Я хихикнула.

– Ну да, это то самое место. Мне придется лететь ночным рейсом сегодня или завтра.

– А ты согласилась?

– Ну конечно. Какой идиот откажется от бесплатной поездки в Лондон?

Сначала я собиралась придумать конференцию в Италии, что было бы более правдоподобно, но побоялась упоминать об Италии папе, потому что авария случилась именно там. Это был самый страшный случай в его жизни, и ему могло

бы быть неприятно говорить об этой стране или думать, что я туда еду. Лондон позволял вообще исключить всякое упоминание о Тоскане.

– Вы же тут справитесь, пока меня не будет? – спросила я, глядя на тостер и повернувшись к Дотти спиной.

– Ну конечно. Такая чудесная возможность. А у тебя в чемодане не найдется свободного местечка? Я могу свернуться в совсем маленький, малюсенький комочек.

Я улыбнулась, ожидая, когда тост выскочит наружу.

– Было бы неплохо.

– Папа будет так рад за тебя.

– Надеюсь, – сказала я, намазывая тост маслом. – Потому что мне так страшно его оставлять.

– Не говори так, Фиона, – очень твердо сказала Дотти. – Ты заслужила поездку, и ты не должна испытывать из-за этого никакой вины. Если кто и ощущает вину, так это он, потому что из-за него ты чувствуешь, что должна следить за ним каждый божий день, не отрываясь ни на минуту. Когда ты уезжала в прошлом году, мы прекрасно справились. И он был так рад за тебя, помнишь?

Я отыскала в холодильнике банку клубничного джема и принесла на стол, где и уселась напротив Дотти.

– Да, в общем он был рад, хотя мы обе знаем, что Джейми ему никогда особо не нравился.

– Нет, – ответила она. – Но я сказала ему, что ты должна жить своей собственной жизнью и что ему пора давать тебе свободу. Мне пришлось убеждать его какое-то время, но в конце концов он согласился со мной.

– Спасибо, – тепло поблагодарила я ее. – Хотя из этого ничего и не вышло.

Дотти отпила чай.

– Мне жаль, что не вышло.

– Мне тоже, – ответила я. – Я бы хотела, чтобы все получилось иначе, но Джейми был слишком... ну, не знаю... Наверное, материалистом. Хорошо, что я поняла это до свадьбы, а не после. Было бы совершенно ужасно платить еще и адвокатам по разводам.

Именно деньги и стали основным источником разногласий между нами с Джейми. Он злился, что я финансово поддерживала папу, но что я могла поделаться? Денег не хватало. Выплаты по маминому страховому полису практически иссякли, а папины романы больше не печатали. Так что гонорары ему больше не платили. Он получал деньги по страховке по инвалидности и другую государственную помощь, но это не покрывало даже оплату трех круглосуточных сиделок и платежи за новый фургон и коляску, которые мы купили в прошлом году.

Джейми хотел, чтобы мы начали откладывать на взнос за дом и купили машину получше, но я должна была делиться своим доходом с папой, так что у меня не было никаких сбережений. В конце концов стало казаться, что мы с Джейми только и делаем, что спорим о том, как потратить деньги, и он предъявил мне ультиматум. Он или папа. Мне это не понравилось, так что я сделала свой выбор. Папа.

А теперь вот... Италия.

Я должна была туда ехать. Должна была узнать, что же я унаследовала от отца, о котором никто не знал. Я не питала особых надежд, но что, если эта собственность стоит не так уж мало? Это могло бы заметно изменить нашу жизнь.

– Хотя Джейми был красивый, – добавила Дотти. – Я понимаю, почему ты влюбилась. У него были такие роскошные синие глаза.

Я снова хихикнула, доедая свой тост.

– Ну да. Но весь этот шарм... Надолго его не хватает.

Закончив завтрак, я поднялась и сунула свою тарелку в посудомойку.

– Пойду посмотрю билеты. – Дотти тоже встала, и мы обнялись. – Что бы я без тебя делала? – произнесла я.

Отстранившись, она обхватила ладонями мое лицо.

– Твоему папе повезло, что у него такая дочь. Ты для него весь мир, Фиона.

От слов Дотти у меня неожиданно сдавило в груди. В последнее время, с тех пор как я порвала с Джейми и вернулась домой, такое случалось часто. Конечно, я больше всего хотела, чтобы папа был счастлив и хорошо ухожен, но это не всегда давалось легко. В тяжелые дни было важно, чтобы все вокруг него сохраняли позитивный настрой. Все мы изо всех сил старались укрепить его дух, но это было непросто. Так что я не могла отрицать, что была рада уехать хотя бы ненадолго, чтобы провести какое-то время наедине с собой.

– Если я больше не увижу тебя до отъезда в аэропорт, – сказала я Дотти, – то хорошей тебе недели, и ты же позаботишься о папе, правда?

– Я всегда забочусь. Будешь в Лондоне, передавай от меня привет королеве.

– Непременно. – Изо всех сил стараясь не проявлять свою готовность уехать, я направилась к себе в комнату, чтобы открыть компьютер.

После долгого поиска по агрегаторам я выбрала полет с одной из пересадок во Франкфурте, потому что так было дешевле. Как только я получила от авиакомпании подтверждение, я переслала информацию миссис Моретти, которая тут же прислала мне подробнейшие инструкции, что именно я должна ожидать по прибытии в Тоскану.

Путешествие из Флориды во Флоренцию превратилось в какой-то кошмар, совершенно мной непредвиденный. За жуткое расписание полетов винить было некого, кроме себя самой. Будучи неопытным путешественником, я выбрала полет с двумя долгими пересадками в Нью-Йорке и Франкфурте, и в результате все путешествие заняло двадцать шесть часов.

Я еще по глупости решила, что смогу поспать в самолете во время полета через Атлантику, но у меня было место в эконом-классе, в самом хвосте самолета, в предпоследнем ряду у туалетов, где всю ночь было очень шумно. Я завидовала своей соседке, которая задремала тут же, как только собрали подносы после еды, но она выпила снотворное. Умная тетка. Жаль, что я сама не догадалась так сделать – она проспала весь полет, а мне удалось лишь несколько раз отключиться на короткое время. Когда самолет приземлился во Франкфурте, я поняла, почему эти рейсы называют «красноглазыми». Я и сама ощущала себя участником зомби-апокалипсиса.

Но после этого мне предстояло еще утомительное восьмичасовое ожидание своего рейса на Флоренцию, куда я прилетела уже в темноте, и потом провела еще час в медленно движущейся очереди на паспортный контроль. К тому времени я реально стала живым трупом. Все, чего мне хотелось, это почистить зубы, найти что-то мягкое и отключиться часов на десять-двенадцать.

Когда итальянский пограничник поставил мне в паспорт штамп и пропустил через границу, я покатила свой чемоданчик мимо ленты выдачи багажа, выискивая взглядом шофера с табличкой с моим именем, но среди встречающих никого похожего не было. Мое сердце упало – у меня не было ни физических, ни моральных сил на то, чтобы понять, как добраться из Флоренции в Монтепульчано в темноте, не понимая местного языка.

Вздыхнув, я отыскала в сумке телефон и открыла письмо миссис Моретти в надежде, что она написала там номер телефона. Я помнила, что она говорила, что я остановлюсь где-то на предприятии Антона Кларка, винодельне, на которой была и гостиница, но даже ради спасения собственной жизни я не могла вспомнить ее название.

Я листала сообщения в почтовом ящике, и тут кто-то похлопал меня по плечу.

– Скузи[3 - Scusi (ит.) – извините.]. Мисс Белл?

Я обернулась и увидела итальянца довольно потрепанного вида, лет сорока, в свободных джинсах и клетчатой рубашке.

– Да, – ответила я. – А вы Марко?

– Си![4 - Si (ит.) – да.] – Он поднял вверх бумажку с моим именем. – Я ваш водитель. Добро пожаловать в Италию.

– Спасибо.

Он взял у меня чемодан.

– Надо сказать: граци[5 - Grazie (ит.) – спасибо.], и я отвечаю: прего[6 - Prego (ит.) – пожалуйста.]. Добро пожаловать.

– Спасибо за мой первый урок итальянского, – добродушно ответила я, торопясь за ним. – Или, лучше, граци.

Он широко улыбнулся.

– Очень хорошо. Мольто бене[7 - Molto bene (ит.) – отлично.].

Следуя за ним, я вышла из терминала и подошла к черному «Мерседесу»-седан, стоящему на обочине. Марко открыл мне дверцу, и я забралась на кожаное сиденье, думая, не сочтет ли он меня невежливой, если я лягу и засну, как только он сядет за руль.

Марко, не теряя ни секунды, закрыл багажник, сел за руль и завел мотор.

– Как прошел полет? – спросил он, глядя на меня в зеркальце заднего вида.

– Очень долго. Я была бы рада немного поспать.

– Понимаю. Поездка займет часа полтора. Можете отдохнуть.

– Наверное, я так и сделаю. – Я выглянула в окно. – Жалко, что уже так темно. Я надеялась увидеть Флоренцию.

– Очень красивый город, – ответил он. – Но слишком уж много туристов.

Мы ехали по ярко освещенным улицам вслед за суперсовременным трамваем, который тоже выехал из аэропорта. Марко указал вправо: – Взгляните туда. Вы увидите Дуомо.

– Что такое Дуомо? – спросила я.

– Кафедральный собор Санта-Мария-дель-Фьоре. Он освещен. Видите?

Всмотревшись, я разглядела вдалеке исторические очертания.

– Да, вижу, вон он. Какой красивый. Я про него почитаю. Может быть, мне удастся сходить туда, пока я тут.

– Стоит подняться на башню, – сказал он. – Но там такие очереди... Надо заказывать заранее.

– Спасибо за подсказку. То есть граци, – улыбнулась я.

Вскоре мы выехали на шоссе, и Марко прибавил скорость. Я прижалась лбом к стеклу, надеясь наконец заснуть, когда Марко тихо произнес:

– А вы похожи.

Наши взгляды снова встретились в зеркальце.

– Простите?

– Вы на него похожи, – сказал Марко с оттенком грусти. – На своего отца.

Я немного выпрямилась.

– Вы его знали? – Я-то считала, что Марко просто наемный водитель лимузина в аэропорту.

– Си. Я шесть лет работал у мистера Кларка шофером.

Я замерла на несколько секунд, в ушах у меня все еще гудело ото всех этих взлетов и посадок. А может, это было нечто другое – внезапное осознание, что отец, который был мне чужим человеком, о котором я думала, как иной может думать о каменном изваянии, – прожил целую жизнь с друзьями, которые были с ним близки. С людьми, которые у него работали, людьми, которым он был безразличен.

Конечно, рационально рассуждая, я понимала, что у него должны были быть друзья. Из письма миссис Моретти я узнала, что он оставил жену и двоих детей. Просто удивительно, как быстро я поглощала всю информацию из ее письма, даже притом что прежде ничего не хотела знать обо всем этом. Всю свою жизнь я предпочитала не думать о своем биологическом отце как о живом человеке. Для меня это было некое, если угодно, одномерное явление. А не человек, о котором я бы думала, с которым хотела бы познакомиться.

Возможно, причиной, по которой я не хотела ничего знать о нем, было то, что я боялась – это может привести к желанию увидеть его. Что я захочу пуститься в далекий путь ради удовлетворения своего любопытства, а я не могла поступить так с папой. Это было бы ужасным предательством.

– Вам нравилось у него работать? – спросила я Марко, наконец спуская свое любопытство с цепи. Я приехала в Италию всего лишь на неделю. Я могу, в конце концов, поддаться этому искушению.

Марко рассмеялся.

– Не думаю, что хоть кому-то нравилось работать у вашего отца. Он был... Как это по-английски? Оппрессоре?[8 - Oppressore (ит.) – деспот.]Тиранно?[9 - Tiranno (ит.) – тиран.]

– Тиран? – предположила я.

– Си! Тиран!

Я откинулась на сиденье, испытывая странное облегчение. Если он и вправду был ужасным человеком, это могло смягчить мое возможное сожаление о нем. Я могу обрадоваться, что так и не встретилась с ним.

– Правда?

Марко снова рассмеялся.

– Но мы его любили. Мы готовы были сделать для него все что угодно. Даже не знаю почему.

Я опустила голову.

– Мы – это кто?

Марко пожал плечами.

– Да все. У него была такая... как это сказать? – Он сделал жест рукой. – Власть. Способ очаровать кого угодно, чтобы сделать все что угодно.

Я снова посмотрела в окно и подумала, что бы могло случиться, если бы я приехала сюда, пока Антон был еще жив. Было бы интересно самой увидеть его так называемую харизму. В конце концов, он же сумел соблазнить мою мать на то, чтобы она обманула горячо любимого мужа. Если это было так. Вообще-то я не была уверена, что соблазнил будет правильным словом. Это могло быть нечто гораздо менее романтическое, какая-то ситуация, которую она не могла контролировать, если судить по выражению ее лица, с которым она говорила мне об этом.

Ощувив при этой мысли легкую тошноту, я начала постукивать пальцем по колену, внезапно осознав, что любопытство, которое я сумела похоронить на двенадцать лет, пробудилось как спящий дракон. Я страшно хотела скорее попасть в Монтепульчано.

Марко был хорошим водителем, но он любил скорость.

– Должно быть, вы отлично знаете эти дороги, – сказала я, проснувшись и проводя пальцами по спутанным волосам. Я выглянула в окно. Казалось, мы мчались вперед сквозь тьму по извилистым сельским дорогам в пустоте.

– Си. Я здесь всю жизнь прожил.

Мне было жаль, что мне так мало видно сквозь густую листву, склоняющуюся к нам с обеих сторон дороги.

– Такой туман, – заметила я. Меня резко мотнуло влево – Марко на бешеной скорости вошел в крутой поворот на узкой дороге.

– В Тоскане всегда туманы, – ответил он. – Тут же столько гор и долин, откуда он поднимается. Мы почти приехали. Уже недалеко.

Я вытащила из сумки жвачку и провела подушечкой пальца под глазами, чтобы стереть следы размазавшейся туши. По местному времени было десять вечера, и я молилась про себя, чтобы как можно скорее оказаться в мягкой постели. Или в жесткой. Неважно. Лишь бы она была горизонтальной.

Марко ударил по тормозам и свернул на щебенку с большим указателем «Винодельня Маурицио». Дорога вилась сквозь лес, медленно взбираясь по склону холма. Марко снова прибавил газу, и я вцепилась в сиденье. Наконец мы подъехали к высоким кованым воротам, встроенным в мощные кирпичные колонны. Марко остановился, взял на консоли пульт и нажал на кнопку. Ворота медленно открылись, скрипя несмазанными петлями. Машина въехала на посыпанную гравием парковку перед большим каменным, похожим на средневековое зданием.

Неужели все это принадлежало Антону?

– Приехали, – Марко выключил мотор и отстегнул ремень, после чего обежал машину и распахнул мне дверцу.

Когда я вышла, почувствовала свежий запах влажной земли, а прохладный густой туман быстро проник под мою джинсовую куртку. Марко взял мой чемодан, и я прошла за ним туда, где, кажется, был ресепшен какого-то отеля. За стойкой нас приветствовала молодая итальянка.

– Мисс Белл? – спросила она.

– Да, это я.

– Я Анна. Рада вас видеть. – Она наклонилась и вынула из-под стойки карточку ключа. Когда я достала кредитку, Анна махнула рукой. – Не нужно. Все предусмотрено. Ваша комната – номер семь, на верхнем этаже. Вон туда, по лестнице, налево. Завтрак будет в столовой вон там, с восьми тридцати до десяти тридцати. Пароль от вайфая вы найдете на карточке в корзинке у себя в комнате.

– Большое спасибо, Анна, – я взяла ключ и с удивлением увидела, что Марко уже понес мой чемодан наверх по вытертым мраморным ступеням.

Здание казалось очень древним, с толстыми стенами и тяжелыми деревянными потолочными балками. Помедлив, я рассмотрела в рамках на стенах фотографии знаменитых посетителей. В этой гостинице бывали Джордж Буш, Том Хэнкс и Одри Хепберн. Я ощутила себя как Алиса, упавшая в кроличью нору.

Марко привел меня к двери темного дерева на четвертом этаже. Я вставила карточку в электронный замок, распахнула дверь и нашла выключатель. Зажегся свет, освещая просторный номер со старинной мебелью, бархатными шторами на окнах и широкой кроватью, застеленной роскошным бельем. При виде нее я чуть не расплакалась от счастья.

Марко поставил мой чемодан и включил свет в ванной.

– Вам тут будет удобно. Это лучшая наша комната.

– Она просто чудесная. – Я не могла оторвать взгляд от огромной ванной комнаты, облицованной белыми и черными плитками, с глубокой ванной, встроенной душевой кабиной и даже биде, которое я несколько секунд с

любопытством рассматривала.

Марко направился к двери, вынул из кармана визитную карточку.

– Тут вот мой телефон, если вы захотите куда-то поехать. Вы наверняка захотите съездить в Монтепульчано. В городе нет проезда для машин, но я высажу вас на Пьяцца Гранде, а оттуда вы везде дойдете пешком. Там много хороших магазинов с кожей. Я могу посоветовать какие-то рестораны. Завтра вы встретитесь с семьей.

Упоминание о семье вызвало во мне внезапную нервную дрожь, потому что я не понимала, чего ожидать. Перед глазами замелькали сцены из «Крестного отца».

Марко собрался выйти, но я остановила его.

– Погодите. Вы не возражаете, если я кое о чем спрошу?.. То, что я здесь... Это неудобно? Ну, в смысле, у Антона были жена и дети. Они знают, кто я? Они всегда это знали?

Марко посмотрел на меня в упор, и я заметила определенную симпатию, которую, впрочем, не знала как понимать.

– Для них это был шок, – наконец признался он.

– Они не знали?

– Нет, до вчерашнего дня.

Я вздохнула.

– Ясно. Они очень расстроились? А то я боюсь, что, может, я разворошила какое-то змеиное гнездо.

Он потер затылок и пожевал губу.

– Не могу гарантировать вам, что это не так. Зависит от того, что будет в завещании.

– Завещание... – Я помолчала. – А вы что-нибудь об этом знаете?

Он помотал головой.

– Никто не знает, но тут в последние дни об этом было много разговоров. Антон был богатым человеком, так что много разных ожиданий.

Мой бедный мозг отчаянно нуждался в сне, и я не могла сообразить, что ответить. Я узнала о том, что у Антона была винодельня и гостиница, в которой я остановилась меньше чем сорок восемь часов назад. Насколько же он был богат?

Марко снова попытался уйти.

– Еще минуту, – схватила я его за рукав. – А вы знаете, кто будет здесь, когда адвокаты станут читать завещание? Я думаю, его другие дети. Как их зовут?

– Коннор и Слоан, – ответил Марко. – Коннор младший. Он приехал один. Слоан тут со своими двумя детьми, но ее муж остался в Америке.

Я попыталась осознать все это. Коннор и Слоан – мои единокровные брат с сестрой. Дети – мои племянники и племянницы. Поскольку я сама всегда была единственным ребенком, мне было очень странно осознавать это.

– Еще бывшая жена мистера Кларка, – добавил Марко. – Миссис Уилсон. Она тоже приехала на похороны.

– Они были в разводе? – спросила я. – Давно?

Он пожал плечами.

– Точно не знаю. Они разъехались еще до того, как я начал на него работать, когда дети были совсем маленькими. Я в первый раз увидел миссис Уилсон сегодня на похоронах. Мария должна знать больше.

– А кто это – Мария?

– Управляющая на вилле. Ее свекр, Доменико Гуардини, был виноградарем, когда мистер Кларк много лет назад купил винодельню. А теперь о лозе заботится ее муж, Винсент.

– Ясно. А где эта вилла? Мария будет там утром, когда приедут адвокаты?

– Си, она там будет. Это на вершине холма, в конце аллеи кипарисов, отсюда легко пройти. Но вам надо поспать, мисс Белл. У вас был долгий путь. Не волнуйтесь.

– Спасибо. Пожалуйста, зовите меня Фиона.

Он кивнул и торопливо ушел, как будто бы у него было еще множество дел. Похоже, он был очень деловым.

Закрыв за ним дверь, я повернулась, взглянула на огромную кровать и выдохнула в изнеможении. После чего, должно быть, поставила рекорд по скоростному открыванию чемодана и переодеванию в пижаму.

Звонок будильника в телефоне вызвал у меня стон. Протянув руку через подушку, я отключила его, думая, что же это за чертовщина. Все мое тело, казалось, было налито свинцом. Я попыталась вычислить, сколько времени сейчас там, дома, в Таллахасси. Два часа ночи?

И почти тут же снова провалилась в глубокое забытие.

Но ровно через девять минут меня снова разбудило верещание телефона. Понимая, что больше спать все равно нельзя, я перевернулась на спину и заставила себя встать, потому что не хотела пропускать завтрак. И, что более важно, хотела пораньше найти дорогу к вилле, чтобы посмотреть владения до того, как прибудут адвокаты.

Сонно прошаркав по дощатому полу к окну, я раздвинула тяжелые бархатные шторы. Но вместо солнечного света за стеклом увидела перед собой дубовые

ставни, которые полностью закрывали свет. Открыв защелку, я толкнула одну из ставней, и потрясенно вскрикнула. Этот вид... Такое вообще бывает?

Перед моим сонным, зажмуренным взором на нежно-зеленом склоне холма возвышалась средневековая крепость. Каменные башни были обрамлены голубым небом. По земле стелилась белая полоска тумана, обволакивая оливковые кущи и ряды виноградников. Откуда-то с вершины холма донесся колокольный звон, и с высокого кипариса, растущего возле бассейна у меня под окном, вспорхнула стайка ласточек.

От потрясения я на несколько секунд лишилась дара речи. Неудивительно, что тут останавливались все эти знаменитости. Это был вид на миллион долларов. Все равно что проснуться и оказаться прямо в кино про Золушку.

Закрыв глаза, я вдохнула свежий аромат сентябрьского воздуха, пахнущего травой и влагой, и велела себе от всей души наслаждаться этой выпавшей мне неделей полной свободы. Я не позволю себе волноваться о папе. У Дотти все будет под контролем. Я буду напоминать себе ее слова – что я заслужила неделю отпуска.

Колокол в отдаленном городке перестал звонить, и все, что я могла слышать, был умиротворяющий шелест ветерка в оливковой роще. Все еще не открывая глаз, я сделала еще один глубокий, очистительный вздох, после чего заставила себя отойти от окна и пошла в душ.

Спустя немного времени я спустилась в столовую, где был накрыт стол к завтраку. Тут была выпечка, йогурт, хлопья, яйца и блюда с мясной и сырной нарезкой. Длинный стол, за которым можно было бы посадить человек тридцать, был накрыт белоснежной скатертью, и на нем стояли букеты свежих цветов. Как только я взяла тарелку, ко мне из кухни вышла молодая женщина.

– Каффе?[10 - Caff? (ит.) – кофе.]

– Си, граци, – сказала я. – Американо, пожалуйста, если у вас есть.

Она улыбнулась, кивнула и ушла в кухню. Я наполнила тарелку и села за стол, напротив молодой пары.

– Доброе утро, – поздоровалась я. Девушка принесла чашку кофе и поставила передо мной.

– Доброе утро, – ответила молодая женщина. Судя по ее акценту, я предположила, что она была из южных штатов Америки. – Вы уже пробовали здесь капучино? – спросила она. – Просто потрясающий.

– Еще нет. Но завтра попробую.

Из светской беседы я узнала, что они проводят здесь медовый месяц. Они начали свое путешествие в Риме и едут в Венецию, где сядут на частную яхту и поплывут в круиз по Средиземному морю.

Когда они ушли, появилась другая, пожилая, пара – тоже американцы. Войдя, они заказали капучино еще до того, как наполнить тарелки яйцами, тостами и мясной нарезкой. Я поболтала и с ними. Они недавно вышли на пенсию и путешествовали по Тоскане, каждый день посещая новую винодельню, но базируясь в этой гостинице на все две недели.

– Мы любим Монтепульчано, – объяснили они. – А здешнее вино... – Мужчина поцеловал кончики пальцев. – Просто лучшее.

– Я не большой ценитель вина, – тихо призналась я, не поднимая головы от тарелки и помешивая свой йогурт. – Дома я всегда покупаю один и тот же сорт – калифорнийское мерло, при своей цене оно несет в себе все нужные ноты.

Они рассмеялись и понимающе закивали.

– Вам стоит попробовать вина Старого Света. Вам понравится. У них тут совершенно другой аромат.

– Во всех смыслах, – добавила его жена, глядя на мужа с улыбкой. – В Европе есть нечто такое...

Они казались очень счастливыми.

– Как давно вы женаты? – спросила я.

– Да скоро уж сорок лет, – ответил мужчина.

– Вам повезло, что вы нашли друг друга, – я отхлебнула кофе и сжала чашку в ладонях. – Это большая удача. А у меня все еще джетлаг.

– Пройдет, – сказала женщина. Помолчав, она спросила: – Вы путешествуете одна?

– Да, хотя это, так сказать, не совсем путешествие. Я прилетела на похороны.

– Какая жалость. Да, мы вчера видели, как все шли в церковь. Наши соборезнования.

– Спасибо, – я доела йогурт и сменила тему до того, как они начнут спрашивать, каковы мои родственные связи с этой семьей. – Возможно, перед отъездом у меня получится несколько часов погулять во Флоренции. Вы там бывали?

– Да, и вы обязательно постарайтесь, – сказала женщина. – Палаццо Питти того стоит. Просто потрясающие сады. И пройдите по Понте-Веккьо. Это старый средневековый мост с ювелирными лавками. На закате просто завораживает. И, конечно, обязательно посмотрите Давида. Нельзя побывать во Флоренции и не увидеть это.

– Обязательно постараюсь, – рассмеялась я.

После завтрака я вернулась в свою комнату почистить зубы, после чего снова спустилась к ресепшен, чтобы узнать, как попасть на виллу. Там была Анна, та же молодая женщина, которая встретила меня вчера вечером.

Анна достала из-под стойки цветную карту и обвела красной ручкой кружок ровно посередине.

– Мы вот тут, в гостинице. Вам нужно выйти из главного выхода на парковку, свернуть направо и пойти вверх по гравийной дорожке между зданием гостиницы и новыми виноградниками. Когда дойдете до верха холма, поверните направо у часовни и идите по кипарисной аллее мимо кладбища к большим чугунным воротам. Вот пульт, чтобы открыть их, вы можете оставить его себе,

пока вы тут, чтобы ходить, когда вам будет удобно. От ворот туда минуты две хода. Вся семья сейчас там, так что дверь будет открыта. А если нет, то просто позвоните. Мария вам откроет. Она позаботится о вас.

Я поблагодарила Анну, вышла на улицу и прошла через парковку, глядя на широкую долину с полями, лесами и большими виноградниками, которые росли ровными рядами на ступенчатых террасах. Оливковые деревья на востоке переливались серебром, их листья казались бледными на фоне более темных пиний в лесу.

Я могла бы стоять тут бесконечно, но адвокаты должны были приехать на виллу совсем скоро, и мои нервы начали сдавать. У меня не было никаких иллюзий насчет того, что члены семьи могут быть рады меня видеть. Я была чужаком, незаконным ребенком, скелетом в шкафу, который появился в самый неподходящий момент – и требует часть их наследства. Безусловно, незаслуженно, поскольку я никогда раньше не выражала никакого интереса во встрече с ними и с зачавшим меня отцом.

Я и сама все еще не могла поверить, что нахожусь тут. Зачем, ради чего Антон включил меня в завещание?

Охваченная страхом, я повернулась и медленно пошла по гравийной дорожке наверх, в сторону виллы, от всей души жалея, что не взяла с собой какого-нибудь верного друга, чтобы не встречаться с семейством в одиночку. Но я никому не доверяла секрет моей матери. Это была только моя ноша.

Я миновала часовню, небольшую средневековую деревушку посередине склона холма и свернула на прямую земляную аллею, по краям которой высились кипарисы. Аллея привела меня к кованым воротам, я нажала кнопку на пульте. Ворота медленно раскрылись, и я вошла внутрь. Через несколько шагов передо мной возникло огромное здание каменной виллы.

У меня дух захватило. Я остановилась и уставилась на здание в стиле эпохи Возрождения, сливочного цвета, с шестиколонным портиком у входа и широкой каменной террасой, окружающей все строение. Слева разместились классические итальянские сады, а справа – теннисный корт.

Внезапно я испугалась, и сердце отчаянно застучало у меня в груди. Миссис Моретти писала мне, что Антон владел винодельней, но я не представляла, что это будет нечто подобное. Марко говорил, что он был богатым человеком. Но насколько богатым, и что, ради всего святого, он мог завещать мне, и почему? О чем он думал, добавляя мое имя рядом с именами своих других двух детей в качестве наследника? Знает ли кто-то, что стояло за этим его решением?

Сделав глубокий вдох, я решительно направилась вперед, хрустя по гравию. Каменные ступени привели меня на широкую террасу к массивной средневековой двери с большой львиной головой вместо дверного молотка. Я уже была готова взяться за нее и постучать, когда заметила справа кнопку электрического звонка, привинченного к каменному фасаду. Я нажала черную кнопку, и услышала звон колокольчика. Спустя секунду дверь открылась.

Пожилая итальянка с седыми, убранными в пышный пучок волосами с улыбкой поздоровалась:

– Бонджорно. Вы, должно быть, Фиона?

– Си, – ответила я, благодарная за это теплое приветствие. Оно слегка успокоило меня, пусть даже только на время.

– Я Мария Гуардини, домоправительница. – Она распахнула дверь шире. – Пожалуйста, заходите.

Я ступила через порог на пол, покрытый большими терракотовыми плитками, в ярко освещенное просторное центральное фойе. Над круглым столом висела большая кованая люстра, на столе стояла ваза с живыми цветами, а стены были окрашены в кремовый цвет. Дальше фойе переходило в большую гостиную, французские окна которой были распахнуты на террасу.

– Как прошел ваш полет? – спросила Мария.

– Очень долго, – ответила я. – Утром было так тяжело просыпаться.

– Не сомневаюсь. Я могу предложить вам что-нибудь? Эспрессо? Капучино?

– Нет, спасибо. Я выпила кофе за завтраком.

Она внимательно посмотрела на меня, и мне вдруг стало неловко. Если бы я была черепахой, я спрятала бы голову в свой панцирь.

– Марко был прав, – сказала она. – Вы очень похожи на него. Во времена его молодости.

Я с трудом сглотнула.

– Правда?

– Си, – Мария взглянула на часы. – Адвокаты приедут еще минут через двадцать. У нас есть время, чтобы познакомиться. Хотите, пройдем в гостиную?

– Да, спасибо.

Она провела меня в просторную комнату в глубине виллы, где на разных коврах стояли несколько уютных комбинаций диванов и кресел. В дальнем конце комнаты расположился небольшой рояль, а на стенах висело множество картин маслом, которые должны были бы занимать место в музеях.

Я прошла за Марией к дивану, стоящему перед большим каменным камином.

– У вас, должно быть, есть немало вопросов, – проговорила она.

– Вообще-то да.

– И у нас тоже, – ответила она.

У меня снова что-то сжалось в желудке, и я нервно кашлянула.

– Мария, я буду откровенна. Все это очень неловко. Я не знаю, насколько вы в курсе всей ситуации, но мистер Кларк не принимал никакого участия в моей жизни. Моя мать рассказала мне о нем лишь за час до своей смерти, это было больше десяти лет назад, и рассказала очень немного. Даже мой отец не знает,

что я ребенок другого человека. Так что, видите, как все сложно.

– Ох, мама, – в глазах Марии появилось озабоченное выражение. – Так вы ничего не знаете об отношениях Антона с вашей мамой?

Ничего, кроме того, что она отвернулась от меня с выражением стыда и отчаяния, сделав это признание на смертном одре.

– Я даже не уверена, были ли у них какие-то отношения, – пояснила я. – Потому что моя мать была счастливо замужем за моим отцом, когда они тридцать один год назад приехали сюда провести лето. Именно поэтому она и не говорила мне, что Антон – мой настоящий отец, по крайней мере до самой своей смерти. Думаю, она почему-то все же хотела, чтобы я узнала... может быть, на случай, если в будущем возникнут какие-то медицинские вопросы? Это единственная причина, которую я могу придумать, почему она вообще мне об этом сказала. Но она умоляла меня не рассказывать об этом отцу, потому что это разобьет ему сердце, а ему и так приходится нелегко. Он парализован и нуждается в круглосуточном уходе.

– Санто дио[11 - Sante dio (ит.) – О боже.].

Я опустила взгляд.

– Простите. Я как-то путаюсь.

– Вовсе нет.

Я сделала глубокий вдох.

– Просто у меня столько вопросов.

Мария выпрямилась на диване.

– Я бы хотела ответить вам на них, но для всех нас это был такой же шок, как и для вас. Мы узнали о вашем существовании только от юридической службы Антона в Лондоне несколько дней назад. Это они должны приехать сегодня утром с завещанием, которое он обновил совсем недавно.

Я неуверенно нахмурилась.

– Насколько недавно?

– Два года назад. В 2015-м.

Я подумала.

– Может быть, это произошло, когда он узнал о состоянии своего сердца?

Она с сожалением покачала головой.

– Насколько я знаю, он ничего такого не знал. Он всегда казался здоровым как конь.

Где-то в доме громко хлопнула дверь, и я повернула голову на звук женских каблуков, звонко зацокавших по лестнице. Мария потеряла виски.

– Порка вакка[12 - Porca vacca (ит.) – итальянское ругательство.]. Я заранее прошу прощения за то, что сейчас начнется.

В комнату ворвалась высокая, очень красивая итальянка с длинными темными волосами, белоснежной кожей и полными алыми губами. На ней был черный брючный костюм «Армани». Она разразилась громкой тирадой на итальянском, сопровождая бесконечные потоки жалоб размахистой жестикуляцией безупречных рук с французским маникюром. Я не понимала ни слова из ее речи, но подозревала, что это как-то связано с предстоящим визитом адвокатов.

Мария вытянула руку, пытаясь как-то успокоить ее. Заговорила с женщиной по-итальянски, но гораздо медленнее. Я могла только сидеть и смотреть.

В комнату влетела другая женщина. Эта была блондинкой, и заметно старше, возможно, лет шестидесяти с небольшим, но она тоже выглядела потрясающе. Было ясно, что она делала какие-то пластические операции.

– Уйдет ли она! – закричала блондинка.

– Не уйду, потому что я тут живу! – ответила ей итальянка.

– Нет. Ты тут всего лишь гость, и тебя больше не хотят здесь видеть!

Молодая женщина ответила яростно эмоциональной пулеметной фразой на итальянском, которая продолжалась до тех пор, пока другая не подняла руки в поражении. Она выжидательно обернулась к Марии, явно желая, чтобы та вмешалась и сказала бы что-то, чтобы разрядить ситуацию.

– Дамы! – сказала Мария. – С этим придется подождать. Мы не можем принять никаких решений насчет того, кто останется, а кто уйдет, пока не узнаем, что нам сообщат адвокаты.

– Вот! – отрезала итальянка. – Я же говорила!

– Они ничего не скажут насчет тебя! – возразила блондинка. – Антон написал завещание два года назад, а тогда он с тобой и знаком-то не был.

Итальянка трижды щелкнула пальцами перед ее лицом.

– Ты думаешь, что знаешь все ответы, а это не так. Ничего ты не знаешь. Антон любил меня. Он сам мне так говорил. И ты не знаешь, о чем он думал перед смертью. Он мог что-то добавить. Написать какое-нибудь письмо. Я не знаю, как это все работает.

– Конечно, ты ничего не знаешь. У тебя вместо мозгов помада.

– А ты просто нахальная корова! Ты вообще тут только из-за денег! На него тебе было наплевать! Если бы это было не так, ты бы приехала навестить его, пока он был жив. Но тебя тут не было! А кто, кто был с ним, стараясь, чтобы его последние дни прошли как можно лучше?

Мария поднялась и простерла вперед руки, словно оркестровый дирижер.

– Тачете! [13 - Tacet (ит.) – замолчи.] Поговорим об этом потом. Позвольте представить вам Фиону. Она только что приехала.

Обе тут же замолчали и повернулись в мою сторону.

Та, что помоложе, смотрела на меня как на гадюку в траве.

– Это она?

Я встала и попыталась улыбнуться.

– Бонджорно.

– Это Кейт Уилсон, – сказала мне Мария, указывая на блондинку постарше. – Бывшая жена Антона. Она приехала из Калифорнии. А это София Романо... – Мария запнулась, подыскивая слова. – Подруга Антона.

– Я была ему больше чем подруга, – возразила София. К моему изумлению, она уняла свою ярость и с улыбкой протянула мне руку. – Приятно познакомиться, Фиона. Вы похожи. У вас его глаза.

– Мне все так говорят, – я пожала Софии руку.

Миссис Уилсон тоже сделала шаг вперед.

– Вообще-то это довольно неприятно. Разрушает предположение, что вы на самом деле не его дочь.

В ответ на эту парфянскую стрелу Мария испустила неловкий смешок.

Миссис Уилсон оглядела меня с ног до головы холодным взглядом зеленых глаз. У меня появилось ясное ощущение, что она не одобряет меня ни в чем, особенно мою одежду. На мне были джинсы-скинни и легкий топ под черным кардиганом – смесь спандекса с полиэстром, купленные в «Волмарте» – ведь я была очень ограничена в средствах.

– Вы проделали сюда долгий путь, – заметила миссис Уилсон с обвинительными нотками в голосе.

– Вы тоже, – ответила я. – Мария сказала, вы живете в Калифорнии?

– Да, – она свела приподнятые брови. – А вы из?..

– Таллахасси, Флорида.

Выпустив мою руку, она отступила назад.

– Никогда не бывала в Западной Флориде.

– Там очень мило. Заезжайте как-нибудь.

Миссис Уилсон слегка усмехнулась.

К этому моменту София вышла из комнаты и удалилась по лестнице наверх.

Миссис Уилсон обернулась к Марии.

– Ее не приглашали на встречу, верно?

– Нет, – ответила Мария. – В списке ее нет.

– Хорошо. Мне потребуется ваша помощь в том, чтобы завтра же избавиться от нее. Если только Антон не наделал в свои последние дни каких-нибудь глупостей. Да поможет нам бог, если наделал, но даже это меня бы не удивило. – Она снова покосилась на меня и тоже вышла из комнаты.

Мария опустилась в кресло.

– Ми диспьяче[14 - Mi dispiace (ит.). – Я приношу извинения.].

Я тоже села.

– Но вы же не виноваты. София была... – Я указала пальцем в опустевший дверной проем.

– Си. Любовницей Антона. Не первой, но ей повезло, она стала той, кто был с ним до самого конца. Если честно, я не могу представить себе, чтобы он ей что-нибудь оставил. Он не был дураком, и она много всего получила от него при жизни. Были разговоры про ожерелье, на которое можно было бы целый год снимать в Риме квартиру. Думаю, она заслужила кое-что за то, что была с ним, когда он был так сварлив. Она правда была к нему привязана. Хотя... – Мария неодобрительно покачала головой. – Ее мотивы вызывали подозрения, если вы меня понимаете. Он был немолод, а ее вы видели.

– Думаете, она его обирала?

– Возможно.

Не желая делать осуждающие кого-то предположения, я опустила взгляд на свои руки, лежащие на коленях.

– Кажется, я не особо понравилась его бывшей жене.

Мария махнула рукой.

– Из-за Кейт не переживайте. Она планирует свое третье замужество, а ее второй муж был еще богаче Антона, так что ей-то уж жаловаться не приходится.

– А дети? – спросила я напрямую. – Они меня возненавидят?

– Это уж точно, – ответила Мария, взглянув на меня. – Но что они думают, это неважно. Важно то, что написано в завещании, так что берите то, что он вам оставил, и уезжайте.

Удивленная ее откровенностью, я несколько раз моргнула.

– Спасибо за совет.

Мария печально вздохнула.

– Иначе у вас не будет никаких шансов. У этой семейки просто талант осложнять жизнь себе и всем окружающим. Все превращается в битву.

– Но я же тут ни при чем.

– Нет, конечно, ни при чем, – глядя на меня, Мария начала крутить сережку в ухе. – Что бы ни случилось здесь сегодня утром, не принимайте этого на свой счет. Нет и не было никаких шансов, что они смогут принять тот факт, что у их отца был еще ребенок. Но вообще-то... Не знаю, почему они так уж изумлены. Мать увезла их в Америку тридцать лет назад. Не то чтобы их отец был монахом. В его жизни было много женщин.

Что-то в этой фразе беспокоило меня, потому что я не хотела думать о своей матери как об одной из многих его пассий. И в то же время мне не хотелось предполагать ничего некрасивого на следующий день после похорон этого человека. Но у меня были свои подозрения.

Я снова выпрямилась.

– Марко сказал, что ваш свекр, Доменико, работал на виноградниках до того, как вы с мужем заменили его. Может быть, родители вашего мужа знают что-нибудь, что произошло между Антоном и моей матерью?

– Может, они что-то и знали, но они оба умерли. Мы с Винсентом начали работать здесь в 1988 году. Когда ваша мать приезжала сюда?

– Это было летом 1986-го. – Когда это направление дознания не принесло результата, я сменила направление. – А кто был шофером Антона до Марко? Где он теперь?

– Его звали Гордон Нуччи, и он был с Антоном много лет. Он жил тут, на вилле, до того, как я начала здесь работать, так что он тоже мог что-то знать, но он тоже давно умер, и тогда мы наняли Марко.

Прежде чем я успела задать еще какие-то из своих многочисленных вопросов, прозвенел звонок на двери.

– Это, должно быть, адвокаты, – Мария поднялась с кресла. – Оставайтесь тут, я пойду встречу их, а потом начнем.

Я смотрела ей вслед, чувствуя, как при мысли о том, что сейчас здесь начнется, у меня сводит желудок – моя первая встреча со своими братом и сестрой, которые, скорее всего, ненавидят меня всеми силами души за то, что я стала наследницей по завещанию их отца, грозила обернуться катастрофой. Но тем не менее мне было интересно, что же Антон оставил мне и сколько это может стоить. Судя по тому, что я успела увидеть в этом владении, это могло быть нечто существенное. Или нет. В любом случае я буду рада, когда эта встреча закончится.

Глава 3. Слоан

Незадолго до прибытия адвокатов на Слоан Ричардсон снизошло прозрение. Это случилось позади виллы, в огороде, где по утрам солнце светило ярче всего. Возможно, оно было принесено ей божественным переливом церковных колоколов с вершины холма. Или же свежий сельский воздух напоил кислородом ее мозг, измученный выхлопными газами, от которых у нее болела голова всякий раз, как шоссе под Лос-Анджелесом застывало в мертвой пробке и их шофер не мог двинуться с места.

– Дети, посмотрите, – обратилась она к своим детям, Хлое и Эвану, которые шли позади нее.

Эвану было десять, Хлое – семь. Оба не поднимали глаз от телефонов.

– Эван! Хлоя! – прикрикнула она.

– Ну что? – огрызнулся Эван.

– Уберите телефоны, пожалуйста. Такой прекрасный день. Идите посмотрите, что я нашла.

Закатив глаза, Хлоя вслед за старшим братом пробиралась по рядам высаженных помидоров.

Слоан показала на кучу земли.

– Смотрите, там ящерица.

Дети наклонились.

– Клево, – сказал Эван.

Ящерица шмыгнула под кучу листьев и исчезла.

– А мы можем ее поймать? – спросил он.

– Наверное, – ответила Слоан, – если будете достаточно ловкими. Может, можно будет прийти сюда потом с каким-нибудь ведром. Но если мы и поймаем одну, мы все равно потом отпустим ее, когда разглядим как следует, хорошо?

– А можно будет взять ее домой? – спросил Эван.

– Да ни за что, мам! – завизжала Хлоя.

– Хм-м, – протянула Слоан. – Наверное, твоя сестра права. Марии может не понравиться, если ящерица убежит у нее на кухне.

– Я буду держать ее в своей комнате под кроватью, – пообещал Эван.

– Посмотрим, – Слоан сжала его плечо и вздохнула, признавая поражение, когда они оба тут же снова уткнулись в свои телефоны.

Пока она выводила их из помидорных грядок к оливковой роще, ей показалось, что она идет совершенно одна. Таковой была вся ее жизнь в последнее время.

И тут к ней, словно свежий ветерок с холма, пришло воспоминание, которое перенесло ее обратно, в детство, когда они с Коннором и их двоюродной сестрой Рут играли в прятки в прохладных, заплесневелых винных погребах. Как было здорово изучать темное пространство позади огромных деревянных бочек, полных бродящего вина. Иногда их заставляли работать, обрывать листья в июле и поливать огород. А для Слоан Мария всегда находила какую-то интересную работу на кухне. Она вспомнила, как месила тесто, помешивала что-

то в большой кастрюле, забравшись на стул, разливала по банкам сливовый джем. Слоан вспоминала все это с нежностью до тех пор, пока не появились оттенки сожаления. Это чувство застигло ее врасплох и несколько изумило.

Очевидно, похороны отца дались ей тяжелее, чем она ожидала. Глубокая печаль, вызванная приступом ностальгии, удивила ее, потому что они с отцом не общались годами и она не приезжала в винодельню с тех пор, как родились ее дети. Путешествуя, она брала их с собой в Лондон навестить кузину Рут, которая всегда была Слоан больше сестрой, чем кузиной. У Рут было двое своих детей, и Эвану с Хлоей было с ними весело. Поэтому она собиралась приехать в Италию, попрощаться с отцом, оставить все это позади и жить дальше. Но, снова увидев это место, она вспомнила другие времена своей жизни, когда все было гораздо проще.

Говорят, в прошлое не вернешься, но почему бы и нет? – расстроено подумала она, оглядывая такой знакомый пейзаж. Вот же оно, точно такое же, каким она помнила его с самого детства.

Конечно, какая-то часть прошлого исчезла безвозвратно навсегда. В последние годы она отдалилась от отца и больше никогда его не увидит. Даже если бы он был жив, она не могла представить себе, как можно было бы вернуться к прошлому и стать к нему ближе. Ее родители разошлись, когда ей было всего пять, а Коннору три, и развод был очень тяжелым и неприятным, потому что отец изменял матери. Поэтому она увезла их из Италии, где они родились, и привезла к своей семье в Калифорнию. Соглашение по опеке гласило, что Коннор и Слоан должны проводить с отцом в Монтепульчано четыре недели каждое лето и неделю на Рождество. Когда они были маленькими, им это нравилось, им казалось приключением провести целый месяц на настоящей ферме, где можно было гонять цыплят и ходить с грязью под ногтями. Но в подростковом возрасте из-за этих визитов начались споры и ссоры, потому что им хотелось оставаться в ЛА[15 - Лос-Анджелес.] со своими друзьями. А авторитарный отец никогда не уступал ни на дюйм, заставляя их являться сюда каждое лето до восемнадцатилетия, когда он наконец сдался и позволил им поступать так, как хочется.

Неудивительно, что и Слоан, и Коннор предпочитали оставаться в ЛА, а их мать всегда принимала их сторону. Если они и путешествовали, то в свой лондонский дом, где с радостью проводили время с Рут, которая водила их на всевозможные вечеринки. С каждым следующим годом они виделись с отцом все меньше и

меньше. А по телефону разговаривали только раз в году, на день рождения, когда он звонил их поздравить.

Мимо пролетел шмель. Слоан обернулась и посмотрела на детей. Их глаза так и были приклеены к экранам телефонов. Она тяжело вздохнула, жалея, что они не проявляют к окружающему никакого интереса.

Ее охватила очередная волна раскаяния. Не то же ли самое испытывал их отец, когда они с Коннором навещали его каждое лето, мрачные и недовольные, ноющие про то, что они упустили из-за него там, дома?

Заметив кого-то боковым зрением, Слоан повернулась и заслонила глаза от утреннего солнца. Это был Коннор, ее брат, быстро идущий к ней – руки в карманах голубых джинсов, рукава белой рубашки закатаны до локтей, в зеркальных очках отражается солнечный свет.

– А я тебя ищу, – сказал он, уворачиваясь от пикирующей стрекозы. – Что ты тут делаешь, ради всего святого?

– Показываю детям сады, – объяснила она.

Он посмотрел на детей.

– Ты только посмотри, как им это нравится. Да ты, похоже, вырастила парочку гениальных садовников, сис. Мои поздравления.

– Ой, заткнись, – сказала Слоан.

Коннор вытащил свой телефон и посмотрел на время.

– Почти десять. Адвокаты придут с минуты на минуту, а ты тут устроила какие-то крестьянские игрища в огороде.

– Отстань. – Она отвернулась от него, потому что не могла вынести, чтобы он разрушил очарование ее детских воспоминаний – что он непременно бы сделал, если бы она ему о них рассказала. Он бы, по обыкновению, отпустил какую-нибудь идиотскую шутку.

– Им это полезно, – сказала она. – Они должны видеть другие культуры.

Коннор издевательски рассмеялся.

– Боже мой, ну мы же не в какую-то развивающуюся страну приехали. Ты заметила – они похоронили отца в золотом «Ролексе»?

– Нет, но я не удивлена, что ты заметил.

Он снова проверил телефон.

– Тебе надо взбодриться. Все это скоро кончится, и мы сможем забрать деньги и свалить.

Она потыкала траву кончиком туфли и снова оглянулась на детей, которые теперь сидели на скамейке под оливой. Продолжая пялиться в телефоны. Как всегда.

– Конечно, нет, – ответила она. – Я как раз думала, каким может вырасти это поколение. В смысле, ты посмотри на них. Они же почти не общаются друг с другом. Что будет, когда Хлоя вырастет и у нее будут свои дети? Она что, так и будет катить коляску по улице, пялясь в телефон и не обращая внимания на ребенка? А как насчет умения разговаривать? Как дети будут учиться говорить, если их матери практически отсутствуют? Да Хлоя будет вот так сидеть на скамейке возле площадки, не отрывая глаз от телефона с бесконечными видео про котиков, а кто-нибудь возьмет и похитит ее малыша, а она так ничего и не заметит, пока не будет поздно.

– Слушай, да что с тобой? – спросил Коннор. – Ей всего семь!

– Знаю, но ты посмотри на нее. Она же просто зависима. Они оба. Элан не хотел покупать им телефоны, пока они не станут старше, но у всех их друзей они есть, так что я не могла отказать. Сейчас я думаю, он, наверно, был прав. Телефон расплавит им все мозги, и помоги мне боже, когда они станут подростками.

– Ну посмотрите на нее, – ласково проговорил Коннор, обхватывая ее за плечи и прижимая к себе. – До чего ты хорошая мамочка, как волнуешься о будущем

своих деток.

– Посмотрим, когда у тебя будут свои.

Он поднял руки вверх.

– О, нет. Только не я. У меня никогда не будет детей.

– Ах да. Я и забыла, – ответила она. – Чтобы это произошло, сначала же надо вступить с кем-то в устойчивые, наполненные любовью отношения.

Он погрозил ей пальцем.

– Не обязательно. Я могу пойти по папиным стопам, завести несколько незаконных спиногрызов и никогда в жизни с ними не встречаться.

Слоан положила руку на ствол дерева и нахмурилась.

– Думаешь, кроме Фионы, был еще кто-то?

– Да кто же знает? – ответила Коннор. – У папочки был неиссякаемый заглашник секретов.

Они немного помолчали, стоя в тени оливы. Слоан стянула с себя кофту.

– Ты ее уже видел?

– Нет, но девушка на ресепшен сказала, что она приехала прошлой ночью. Ее поселили в седьмой номер. Четвертый этаж.

– Да что ты? – Слоан перекинула кофту через локоть. – Как ты думаешь, что он ей оставил? Адвокат сказал, какую-то собственность.

Коннор медленно ходил туда-сюда по траве.

– Мне известно столько же, сколько и тебе. Я же даже не знаю, что он еще покупал в последнее время. Он же всегда прикупал виноградник то тут, то там, где угодно, в разных областях, в других регионах, добавляя к своему бренду. Может, он оставил ей какой-то участок в Кьянти. Миленький желтенький домишко с зелеными ставнями. А может, квартиру, которую купил одной из своих любовниц. А может, что-нибудь в Лондоне.

Слоан нахмурилась.

– Нет. Он так не сделал. Или, думаешь...

Коннор пожал плечами.

– Не знаю. Он переписывал завещание в Англии. Может, как раз поэтому.

Слоан подняла голову, и у нее приоткрылся рот.

– Коннор, ты же не думаешь, что он мог оставить ей дом в Белгрейвии[16 - Элитный район в Лондоне.], нет же? Где же мы будем жить, приезжая туда? Рут теперь вообще живет в Ричмонде. И уж точно не с тетей Мейбл. Я лучше выколю себе глаза булавкой. И папа знал это.

Коннор снял очки и начал протирать стекла.

– А знаешь, что нужно дому тетушки Мейбл?

– Что?

Он снова надел очки и закинул голову к небу.

– Стенобитная баба.

Слоан слегка виновато ухмыльнулась.

– Трудно не согласиться. По крайней мере, это избавило бы всех от атмосферы этих жутких восьмидесятых, которую она развела в своей кухне.

Коннор посмотрел на траву.

– Но это было бы жестоко. Бедная тетя Мейбл так любит свое заплесневелое старье.

– Некоторых людей не изменишь.

Хлоя громко рассмеялась, подвинулась поближе к брату и показала ему что-то в своем телефоне. Эван взглянул на него, не отвечая, и снова отвернулся к своему экрану.

– Посмотри же, как мило, – сказал Коннор. – Они делятся. Видишь? Социальные навыки утеряны не полностью.

– Крыса ты вонючая.

– Нет. Ты намекаешь, что я пахну плохо, а мы оба знаем, что сегодня я пахну просто прекрасно.

– Да что ты? – ответила Слоан. – И чем же ты так пахнешь? Одеколон «Гигантское Наследство»?

Коннор понюхал свое запястье и протянул его Слоан, которая принялась.

– Ну, признай же, довольно мило.

– Да уж конечно. – Слоан снова обернулась на виллу, которая величественно возвышалась на фоне синего неба, и долго смотрела на нее.

Коннор слегка озабоченно наблюдал за ней. Потом пощелкал перед ней пальцами.

– Слоан, вернись. Ты же не собираешься растечься в сантиментах, а?

– И передумать насчет продажи? – спросила она. Предвидя его реакцию, она предпочла не отвечать на вопрос.

– Слоан!

Она повернулась к нему.

– Что?

– Не нравится мне все это: ты что-то задумала.

– Почему это?

Он прищурился, словно предупреждая ее, и она сдалась, отступила.

– Ты уверен насчет этого? – спросила она. – Что, если это ошибка? Может, стоит еще раз подумать перед тем, как звонить агентам по продаже?

– Нет. Мы не будем этого делать. Ты с ума сошла?

Она пожала плечами.

– Я не знаю... нам было тут очень неплохо, правда? Когда мы были маленькими? Помнишь, как папа давал тебе водить трактор по виноградникам? И Мария... она всегда так хорошо к нам относилась. Было очень приятно снова ее увидеть. Она отлично выглядит, правда? Немного поправилась, но в целом хорошо сохранилась.

Коннор положил руку ей на плечо и не слишком-то бережно стиснул.

– Ты просто ударились в эмоции из-за похорон. Поверь мне, это пройдет.

– Думаешь? – Она приподняла бровь, касаясь нежных листьев свисающей ветви оливы. – Что, если нам оставить винодельню себе и вместе заняться бизнесом? Коннор, подумай об этом. Это отлично смазанная машина, все управляющие на местах. Шофер – как его зовут? Он говорил, что даже без папы бизнес тут идет своим чередом. Если мы оставим его, мы сможем приезжать сюда, когда захотим, и дети смогут уезжать из ЛА, и узнать что-то про сельское хозяйство, и виноделие, и итальянскую кухню. Им это будет очень интересно.

– Ты все забываешь, что у меня нет детей, – сказал Коннор. – А если тебе хочется развлечься, то можешь на выручку от продажи купить Хлое с Эваном их собственный парк аттракционов. Это будет гораздо ближе к дому, и не надо будет мучиться джетлагом.

Слоан одарила брата суровым взглядом.

– Я не желаю покупать им парк аттракционов.

– Нет? Ну так купи им игрушечную ферму или контактный зоопарк. Что угодно, где не надо будет работать изо всех сил, чтобы оно функционировало. Да ну, Слоан. Не будь идиоткой. Ты же ненавидишь работать.

– Может быть. Не знаю. Я просто чувствую себя какой-то грязной, избавляясь от дела жизни отца ради денег. Иногда мне хочется, чтобы Хлоя и Эван могли приезжать сюда на каникулы, как мы в их возрасте.

– Слоан. Мы это ненавидели.

– Только когда были подростками.

– Да ну, серьезно, и когда ты приезжала сюда по доброй воле в последний раз? Правильно. Никогда. Отец всегда говорил, что ждет нас в любой момент, но никто из нас так и не воспользовался его приглашением.

– Это потому, что он был тут, и я злилась на него из-за развода и того, что он сделал с мамой. Но теперь-то его здесь нет.

– О-о-о! – рассмеялся Коннор. – Сурово. Вот она, твоя сентиментальность.

– Я не это имела в виду, – сказала она, закрывая лицо руками. – Я просто хотела сказать, что... Мне жаль, что мы так все запустили, а теперь его нет, и это невозможно исправить. Но это к делу не относится. – Она уронила руки.

– К какому именно делу?

– Я думаю, мы не должны торопиться с продажей, а если ты будешь настаивать... – она помолчала и сложила руки на груди, – то, возможно, я буду с тобой бороться, потому что мне кажется, что винодельня должна остаться в семье.

Коннор в изумлении откинул голову.

– Вау. Я впечатлен. Старшая сестричка играет в жесткую даму?

– Может быть.

Он наклонил голову набок.

– Ты предполагаешь, что он оставил нам равные доли. А может, он оставил винодельню мне, а тебе – дом в Белгрейвии. Мы ведь не знаем.

Его кривая улыбка вызывала у Слоан непреодолимое желание двинуть ему по уху и подраться, как они делали в детстве, он дернул бы ее за волосы, а она бы на него заорала, и в конце концов они покатались бы по полу, пока кто-нибудь не растащил бы их.

Слоан взглянула на часы.

– Наверное, пора идти в дом.

– Ага. Пора окешить наши фишки.

Слоан позвала детей, но по пути так и продолжала в изумлении оглядываться на расстилающиеся перед ней холмы и долины, древние камни террасы.

Раньше она как-то совсем не ценила все это. Очевидно, всю свою юность она воспринимала это как данность и была слепа. И она никогда не задумывалась о годовом доходе от винного бизнеса. Хотя и знала, что некоторые бутылки с отцовских виноделен продавались за 600 долларов за штуку в ресторанах ЛА. Она всегда гордилась этим, и Элан с удовольствием говорил своим коллегам за деловыми ужинами, что Винодельни Маурицио принадлежат его тестю.

Может быть, финансово тоже будет более разумно сохранить винодельню. Это будет план с более дальним прицелом.

Мудрость приходит с возрастом, подумала она, пытаюсь вспомнить, кто из древних философов это сказал. Надо будет погуглить.

Глава 4. Фиона

Когда Мария вернулась в гостиную, я стояла, рассматривая черно-белые фотографии в рамках, выставленные на столе позади одного из диванов. Я была почти уверена, что узнала в детях на одной из них своих единокровных брата и сестру, Слоан и Коннора. Они стояли на фоне виноградных рядов, озаренные солнцем, улыбающиеся. Я подумала, не Антон ли сделал это фото. На всех остальных фотографиях были люди, которых я не знала и даже не пыталась угадывать. Много фотографий казались сделанными в 70-х годах.

– Фиона, вы можете пройти со мной? – Мария махнула мне рукой из дверей.

Снова занервничав, я пошла за ней сквозь другие двери, которые привели нас в небольшой открытый внутренний дворик. Мы прошли через него и снова зашли в дом, в большую гостиную, которая выходила в сад с восточной стороны виллы. В дальнем конце комнаты вокруг овального обеденного стола сидели люди. Все молчали.

Когда все глаза уставились на меня, я замерла на месте.

Не моргнув глазом Мария подошла к столу и выдвинула последний свободный стул.

– Господа, это Фиона Белл. Фиона, садитесь сюда, рядом со мной.

Я постояла еще несколько секунд, пока Мария начала представлять мне остальных.

– Это Коннор, сын Антона.

Мой единокровный брат.

Он сидел, низко откинувшись на стуле, и, закинув голову, смотрел в потолок. Казалось, ему было скучно. При звуке своего имени он поднял голову и кивнул мне через стол, после чего снова уставился в потолок.

Мария продолжила, указав на красивую темноволосую женщину, сидевшую возле него.

– Это Слоан, дочь Антона.

– Доброе утро, – поздоровалась Слоан, слегка приподнимая подбородок и оглядывая меня с ног до головы с орлиной зоркостью.

– Миссис Уилсон вы уже видели, – сказала Мария. – А это сестра Антона, Мейбл, которая приехала из Лондона. – Мейбл была пожилой женщиной в инвалидной коляске. – Рядом с ней Рут, ее дочь.

– Рада познакомиться, Фиона, – тепло сказала Рут.

– Мне тоже очень приятно, – ответила я.

Рут наклонилась к матери и крикнула ей на ухо:

– Мама, как же она на него похожа!

– Незачем так кричать! – нахмурилась в ответ Мейбл.

– А это юристы, – продолжала Мария. – Джон Уэйнрайт и Карен Миллер.

– Здравствуйте, Фиона, – поздоровался мистер Уэйнрайт. – Пожалуйста, садитесь, и мы начнем.

– Спасибо. – И я села за стол рядом с Марией.

Адвокаты разложили перед собой стопки бумаг и выключили звук у своих телефонов. Ощукая на себе взгляды, полные злобы, я попыталась унять сильно бьющееся сердце.

– Итак, начинаем? – сказал мистер Уэйнрайт. – Прежде всего примите наши искренние соболезнования. Антон был замечательным человеком, и всем, кто его знал, будет его очень не хватать.

– Какое изящное соболезнование, – сказал Коннор. – Благодарю вас. Мы все глубоко тронуты.

Слоан хлопнула его по плечу, и я почувствовала, что всем остальным за столом было неловко. Казалось, что даже адвокатов удалось выбить из колеи этим замечанием.

Мистер Уэйнрайт откашлялся и продолжил.

– Завещание мистера Кларка датировано седьмым декабря 2015 года, оно было составлено мной, в присутствии мистера Кларка в нашем офисе на Фенчерч-стрит, в Лондоне. – Он перевернул страницу. – Так что начнем с лондонской собственности. Дом в Челси оставлен вам, Мейбл, так же, как и три миллиона фунтов наличными.

Рут сжала руку матери.

– Вот, мама. Все будет в порядке.

– Дом на Итон-Сквер в Белгрейвии переходит к Коннору и Слоан, в равных долях.

– О, слава богу, – произнесла Слоан, и ее голова упала на стол с вполне ощутимым стуком.

– Видишь? – сказал Коннор. – Он знал, как ты любишь этот дом.

– Да, наверное, – ответила она, снова выпрямляясь. – Не могу тебе передать, насколько легче мне стало. – И резко взглянула в мою сторону.

Мистер Уэйнрайт повернулся к Марии.

– Что же касается владений в Тоскане... Мария Гуардини, вам завещается дом, в котором вы живете в настоящее время, а также шесть гектаров земли и двести тысяч евро.

Мария уставилась на него широко распахнутыми глазами.

– О, Мио Дио! [17 - Mio Dio (ит.) – Мой бог.]

– Серьезно? Вы шутите? – казалось, Коннор удивлен, но одновременно и обрадован. – Вот это да, Мария. Как тебе повезло. Поздравляю.

Слоан убрала за ухо прядь волос.

– Мария, это просто чудесно. Ты это заслужила.

Рут протянула Марии салфетку, которой та промокнула слезы.

– Коннор и Слоан, – продолжил мистер Уэйнрайт. – Ваш отец оставил каждому из вас по три миллиона фунтов из английского инвестиционного портфеля.

– Отлично, – сказал Коннор, выпрямляясь и опираясь локтями на стол.

– Миссис Уилсон, вам он оставил картину Караваджо, которая висит над камином в главной гостиной.

Кейт горько рассмеялась.

– Действительно. Я умоляла его отдать ее мне во время развода, но он наотрез отказался.

– Не жалуйся, мам, – сказал Коннор. – Ты же ее наконец получила.

Она откинулась назад и скрестила руки на груди.

– Ну что ж, я рада ее получить. Это именно я уговорила его купить ее.

Мистер Уэйнрайт перевернул очередную страницу.

– Что же касается предприятия Винодельни Маурицио, которое включает в себя виноградники, оборудование, здания и обстановку, девять тысяч гектаров земли в Тоскане и все финансовые вложения – все это завещается Фионе Белл.

Что такое он только что сказал?

В комнате повисла тишина. У меня пересохло во рту.

– Что-о-о! – заорал Коннор.

Словно в замедленной съемке, мистер Уэйнрайт взял очередной листок из лежащей перед ним стопки и перевернул его. Я следила за этим листком завороченным взором, словно за летящим по ветру листиком.

Коннор встал, прижимая ко лбу раскрытые ладони.

– Скажите мне, что вы не говорили этого. Думаю, что я неверно вас расслышал.

Адвокат повторил сказанное, и все продолжили пялиться на меня.

– Этого не может быть, – недоверчиво произнесла Слоан. – Почему он оставил все ей?

Я сидела неподвижно, не в силах произнести ни слова.

Коннор злобно взглянул на меня.

– Ну, какого же черта ты сделала?

– О чем вы? – спросила я, все еще не воспринимая произошедшее до конца. Наверное, это все же какая-то ошибка. Антон не мог оставить мне все.

– Да ты слышала, – ответил Коннор. – Как ты это сделала?

– Я ничего не делала, – прошептала я, защищаясь.

Он снова повернулся к адвокату.

– Этого не может быть.

– Боюсь, что это так, – ответил мистер Уэйнрайт. – Ваш отец был очень четок в выражении своей последней воли.

– Кому? – спросил Коннор. – Вам? Вы лично присутствовали, когда он принял это решение?

– Нет, но он выразил его совершенно ясно, когда пришел ко мне в офис.

Коннор недоверчиво потряс головой.

– Он был пьян?

– Нет, он был совершенно трезв и в своем здравом уме, могу вас заверить.

– Откуда вам это знать? Вы что, врач?

Но мистер Уэйнрайт был непоколебим.

– Я засвидетельствую в суде, что он был в полном здравии и ясном рассудке.

Коннор повернулся к матери, сидящей напротив него.

– Мам. Сделай что-нибудь. Это просто невозможно.

Она несколько раз моргнула.

– Что ты хочешь, чтобы я сделала? Я в таком же шоке, как и ты. Твой отец никогда не упоминал при мне, что хочет изменить завещание, и я уж точно ничего не знала о его незаконном ребенке. – Она обвиняюще уставилась на меня. – Сколько вам лет? В каком году вы родились?

– В тысяча девятьсот восемьдесят седьмом, – ответила я.

Миссис Уилсон возмущенно воскликнула:

– Мы тогда были еще женаты. Еще даже не развелись.

Я замялась, подыскивая слова.

– Мне очень жаль. Я не знаю, что тогда происходило. Все, что мне известно – что моя мать провела здесь лето – с моим папой, ее мужем, – а я родилась в Америке, когда они вернулись домой.

– Невероятно, – фыркнула миссис Уилсон. – Хотя я не должна удивляться.

– Уж конечно не должна, – сказала Слоан. – Ты же знала, что он спал с кем попало, даже когда вы были еще женаты. Потому ты от него и ушла.

Все они снова посмотрели на меня, как будто это я была виновата в том, что их отец был таким бабником.

– Не смотрите на меня, – сказала я наконец. – Я во всем этом не виновата.

– Так ли? – сказал Коннор. – Мне как-то с трудом в это верится.

– Почему? – спросила я. – Ваши родители развелись несколько десятков лет назад, и прямо сейчас в этом доме находится женщина, которая была одной из его подружек. Единственное, что меня удивляет – так это то, что я единственный незаконный ребенок, сидящий сегодня за этим столом.

Миссис Уилсон поднялась.

– Как ты смеешь?! Он еще даже не остыл в своей могиле.

Я громко рассмеялась.

– Серьезно? Простите. Это действительно странно.

Она снова села на стул и, повернувшись, ласково заговорила с адвокатом:

– Джон. Вы, конечно же, понимаете, какая проблема у нас возникла. Если бы я знала, что все так обернется, я пригласила бы своих адвокатов.

– Это ничего бы не изменило, – невозмутимо ответил мистер Уэйнрайт. – Завещание действительно и остается в силе.

Она окинула его искоса почти кокетливым взглядом, как будто надеялась очаровать его, чтобы он изменил дело в ее пользу. Но он продолжал молчать, нисколько не колеблясь.

– А он не говорил вам, почему он так поступил? – спросила миссис Уилсон, покрасневшись от возмущения. – Не объяснял, почему решил обездолить собственных детей ради ребенка, которого никогда даже не видел?

– Он их не обездолил, – сообщил ей Джон. – Он оставил им по три миллиона фунтов и дом в Лондоне.

Миссис Уилсон резко выдохнула и прижала руку к груди, как будто была оскорблена.

– Для него это была карманная мелочь, – сообщил Коннор всем окружающим. – Винодельня стоит в разы больше этого.

Мне было довольно интересно, насколько же именно больше она стоит, но я не посмела спросить. В настоящий момент было лучше сидеть тихо и держать рот на замке.

Коннор снова уселся за стол.

– Мы будем бороться.

– Я предполагал это, – ответил мистер Уэйнрайт.

Слоан быстро замахала руками.

– Подождите. Я уверена, все это может довольно легко разъясниться. Если я правильно понимаю, в Италии существует закон о наследовании детьми имущества отца. Мой муж проверил это, перед тем как я садилась в самолет. Он сказал, это называется обязательное наследование или что-то подобное, и что мы должны получить как минимум шестьдесят шесть процентов всей его собственности в равных долях. – Слоан указала на меня. – А она не наследница. Она незаконная.

Я начинала ненавидеть звуки этого слова.

– Это верно, – ответил мистер Уэйнрайт. – Гражданский кодекс Италии защищает ближайших родственников, но в 2015 году Европейский Союз принял закон, позволивший вашему отцу, как британскому подданному, составить завещание согласно законам его страны. А в Соединенном Королевстве Великобритании человеку предоставляется гарантированная законом свобода распоряжаться своим имуществом так, как ему будет угодно. Он мог бы при желании оставить все на благотворительность.

Коннор протянул руку в мою сторону.

– Ну, вот вам ваша благотворительность.

– Простите? – сказала я.

Мария под столом взяла мою руку и пожала ее. Я встретилась с ней взглядом, и она покачала головой.

– Чего я не могу понять, – обратился ко мне Коннор, – так это что же произошло между моим отцом и вашей матерью. Она что, шантажировала его? Или это были вы? – И впился в меня глазами.

– Да нет конечно! – ответила я. – Я вообще никогда в жизни с ним не разговаривала!

– Тогда как же мы должны все это понимать? – спросил Коннор. – Мы никогда не слышали о женщине, которую он трахнул тридцать лет назад. Как ее звали?

– Лилиан Белл, – ответил мистер Уэйнрайт.

Коннор повернулся за разъяснениями к Марии.

– Она же не присутствовала в его жизни, верно?

Мария пожала плечами.

– Я об этом ничего не знаю.

Адвокат невозмутимо произнес:

– Согласно утверждению вашего отца, существовали письма.

Коннор нахмурился.

– Письма? О чем вы говорите? Любовные письма?

– Не знаю. Он не говорил, – ответил мистер Уэйнрайт.

Коннор во внезапном приступе ярости вскочил со стула, опрокинув его, и подбежал к окну, где замер, глядя наружу. Все, кроме Слоан, молча смотрели на него.

– Он не передавал эти письма вам на хранение? – спросила она. – Как свидетельство или что-то в этом роде?

– Для написания завещания не требуется свидетельств, связанных с выражением чьей-либо последней воли, – объяснил ей мистер Уэйнрайт. Я подумала, что он изо всех сил старается не показаться снисходительным.

– Но он все хранил, – ответила Слоан. – Верно же, Мария? Я не хочу использовать слово барахольщик, но он же с трудом соглашался выбросить хоть что-то. А эти письма, что очевидно, были ему важны. Они должны где-то быть.

Коннор снова повернулся к адвокату.

– А что, если эта женщина, Лилиан Белл, шантажировала его? Тогда у нас будут основания опротестовать завещание, ведь так?

Мистер Уэйнрайт повернулся на стуле.

– Да, в этом случае так и будет. Но вам придется это доказать.

Коннор наклонился вперед.

– А если не шантаж, то какие еще есть основания, чтобы отменить завещание? Злоупотребление влиянием? Принуждение? Мошенничество?

– Да, все это может быть учтено, – ответил мистер Уэйнрайт. – Но ваш отец ни в чем не проявлял, что находится под воздействием каких-либо манипуляций.

– Может, он сам этого не понимал. Или, в случае шантажа, он хотел по какой-то причине скрыть это.

Мистер Уэйнрайт в упор посмотрел на него.

– Коннор, вы не можете опротестовывать завещание с подобными обвинениями просто потому, что считаете его несправедливым. У вас должна быть серьезная законная причина, а предполагать то, что предполагаете вы... Чтобы доказать подобное, вам нужны свидетельства. Убедительные свидетельства.

– Но вы только что сказали, что были письма, – ответил Коннор, обращившись ко всем, сидевшим за столом. – И я заявляю вам всем прямо сейчас – я собираюсь задавать самые жесткие вопросы. Кто-то должен что-нибудь знать. – Он указал на меня. – Вот хотя бы она.

– Я не знаю, – ответила я.

Он горько хохотнул.

– Да даже если бы знала, ты бы нам не сказала, особенно если собираешься все это унаследовать. – Направляясь к двери, он окинул меня ненавидящим взглядом. – Я иду звонить своему адвокату.

Слоан тоже поднялась.

– Похоже, я должна сделать что-то подобное. – И она вышла из комнаты вслед за братом.

Мария выдохнула.

– Ну вот. – Она выпрямилась на стуле и повернулась к юристам. – Можно спросить, мистер Уэйнрайт, если это завещание будет признано недействительным... существует ли предыдущее завещание, которое вступит в силу вместо него?

– Да, существует, – ответил он. – Оно было написано около десяти лет назад.

– И по нему винодельню получали дети?

– Да.

– Ясно. – Она помолчала, крутя сережку. – Пожалуйста, извините. Я не знаю, как задать этот вопрос, чтобы не показаться эгоистичной, но в той, прошлой версии завещания маленькая вилла тоже отходила ко мне? И эти деньги?

Он помолчал.

– Боюсь, что нет. Это было дополнение, сделанное к настоящему завещанию.

Ее плечи слегка поникли, и в этот момент я подумала, что у меня появился союзник, потому что Мария не захочет потерять то, что ей завещал Антон.

Впервые после приезда в Тоскану я почувствовала себя не совершенно одинокой.

Глава 5. Слоан

– Как он мог так поступить? – спросила Слоан, когда Коннор, закончив разговор со своим адвокатом, швырнул мобильный телефон на диван в своей спальне. – Мы его родные дети. А она какая-то чужая, кого он никогда даже не видел. Коннор, он что, ненавидел нас? Дело в этом? Наказал нас за то, что мы недостаточно часто его навещали? Или пытался досадить маме за то, что потерял после развода? Потому что она раздела его до нитки. И всегда хвасталась этим.

Коннор расхаживал по комнате.

– Дело не в том, что эта Фиона приехала сюда доить его. Это не так. Тут происходит что-то другое. Она выглядит слишком уж невинной. – Он некоторое время подумал, а потом, маша руками в воздухе, заговорил тоненьким голосом. – О, только посмотрите на меня. Я чиста и невинна, как ангел, который ничегошеньки не знает о похождениях своей матери до моего рождения. Я и представить не могу, с чего бы ваш отец оставил все маленькой бедной мне. – Коннор сделал гримасу. – Увольте.

– Мне кажется, она чувствует себя виноватой, – ответила Слоан. – У нее виноватые глаза. – Слоан опустилась в кресло, закрыла лицо руками и тяжело вздохнула. – Я думала, этот день пройдет совсем не так. Я думала, у меня будет теплое местечко, где можно притулиться, если дела с Эланом пойдут неважно. Знаешь, какой он стал в последнее время. Я думала, что смогу забрать детей и перебраться пожить сюда, может, ездить отсюда в Лондон. Начать все заново.

Коннор развернулся.

– Ой, да брось. Ты никогда не бросишь Элана, и сама это знаешь.

Чувствуя, будто ей уже нечего терять, Слоан подняла на него наполняющиеся слезами глаза.

– Я думаю, у него роман.

Поглядев на нее несколько секунд, Коннор рассмеялся.

– Слоан, серьезно? И, типа, это для тебя сюрприз?

– Не будь козлом.

– Я не козел. Но ты знала, что он бабник, когда выходила за него. И ты знаешь, что он женился на тебе из-за этого. – Коннор обвел рукой виноградники за окном. – Так что не изображай невинную девственную женушку, которая ничего не знает.

Он был прав. Даже в день своей свадьбы Слоан была переполнена страхами и сомнениями, и проплакала в ванной все утро до прихода парикмахера. Но она была так влюблена в Элана – богатого, красивого Элана – и так отчаянно хотела быть любимой, выйти замуж, иметь детей и прекрасную, безупречную жизнь, чтобы ей завидовали все друзья. И ее мать хотела ей того же. Мама вошла в ванную, утерла Слоан слезы и убедила ее, что все будет хорошо. Все будет не так, когда они поженятся, сказала мама, убеждая ее пойти и принять участие в церемонии.

С тех пор Слоан постоянно ощущала, как мир сжимается вокруг нее, потому что другие женщины были всегда. На прошлой неделе ей приснилась гроза – в крышу ее дома ударила молния, так, что весь чердак оказался в огне.

– Почему тебе всегда надо быть таким мерзким? – сказала она Коннору. – Даже когда мы были маленькими, ты вечно подсовывал мне пауков.

– Я не мерзкий, – ответил он. – Я просто честный. И если у тебя были планы развестись с Элано, то какая тебе разница, что отец вычеркнул нас из завещания? Или тебе обидно в принципе? Ведь ты с легкостью получишь миллионов двадцать по соглашению о разводе. Я знаю, сколько стоит Элан.

– Нет, не получу, – мрачно ответила она. – Я подписала брачный договор.

Коннор нахмурился.

– Ты шутишь? Ты мне не говорила. Ты сказала, он этого не хотел.

– Я соврала.

– Слоан! Какого черта?

– Перестань, пожалуйста. Ты не помогаешь. У меня сейчас рушится жизнь, и я думала, это мой спасательный круг. Этим утром я мечтала, как оставлю все сплетни про Элана позади, в ЛА, и перееду сюда, где Мария будет готовить детям тосканскую еду, а они будут каждую осень помогать убирать виноград, научатся говорить по-итальянски, и мне не придется ни слышать, ни видеть, что Элан делает с другими женщинами.

Коннор потер переносицу.

– Слоан, ну пожалуйста. Да ты же и пяти минут не протянешь без своего личного тренера и своего психотерапевта.

– Еще как протяну, – настаивала она. – Я думаю, половина проблемы заключается именно в этом. Я ожидала от себя слишком многого. И платила людям, чтобы они сделали меня безупречной и счастливой. Но, может быть, идеала вообще не существует, и я подумала, что мне просто надо есть пасту, ни о чем не беспокоясь.

Коннор сел, прижимая ладони к глазам.

– Я не могу сейчас об этом разговаривать.

– Ну и ладно, – сказала Слоан, быстро вставая. – Пойду отведу детей еще погулять.

Он смотрел, как она направляется к двери.

– Ты говоришь это, будто угрожаешь. О нет! Я должен остановить свою несчастную сестру от ужасного вреда, который она собирается причинить себе, ведя детей играть на улице!

– Ну я же сказала – козел. – И Слоан вышла.

Вернувшись в свою комнату, она обнаружила Эвана и Хлою сидящими на разных концах дивана и пялящимися в телефоны.

– Эй, дети! – бодро, с улыбкой произнесла она. – Может, сходим со мной на улицу, посмотрим, не поспел ли уже виноград? Может, мы могли бы помочь его собирать?

Эван с сожалением взглянул на нее.

– Им не нужна наша помощь, мам. И мы ничего не знаем про виноград.

– Но разве не здорово узнать что-то новое? – с энтузиазмом предложила она.

– Нет, – и он вернулся к телефону.

– Мам! Мы же уже делали это утром, – заметила Хлоя тем противным, ноющим тоном, от которого Слоан захотелось оттащить ее за волосы.

Что было не так с ее дочерью? Она что, совсем не понимает, как важно быть очаровательной и харизматичной?

– Ладно, – Слоан повернулась на каблуках. – Пойду посмотрю, что готовят на кухне.

Она вышла из комнаты, все еще надеясь, что дети вдруг осознают, что пропускают что-то важное, и передумают. Но никто никогда не бегал за ней, когда она со своим ладно выбегала из комнаты. Особенно Элан. Он всегда позволял ей просто уйти.

Глава 6. Фиона

Как только адвокаты собрали вещи и вышли, Рут откатила кресло Мейбл от стола. Она сказала, что им нужно успеть на самолет, и выкатила коляску из двери, даже не взглянув в мою сторону.

– Они тоже всему этому не рады, – сказала я Марии. – И мне трудно винить их. Неудивительно, что они собираются бороться.

– Да, но вы же слышали, что говорит мистер Уэйнрайт. Они не могут ничего сделать, не имея ясных доказательств шантажа, мошенничества или злоупотребления влиянием.

Вздыхнув, я поникла на стуле.

– Моя мама никогда не стала бы никого шантажировать. Вы бы видели, как она заботилась о папе, каждый божий день до самого конца своей жизни. Она была просто святая.

– Кроме того, что она была ему неверна, – тихо заметила Мария. – Может быть, вы знали ее не так хорошо, как думаете.

У меня не было иного выбора, как признать ее правоту.

– Я больше ничего не знаю, – сказала я. – Я не ожидала, что сегодня произойдет такое. Думала, я могу получить какой-нибудь заброшенный участок, может, пол-акра земли, с небольшим домиком. А не все целиком и всю компанию в придачу. – Я снова выпрямилась. – Сколько может стоить винодельня? Адвокат сказал, там девять тысяч гектаров. Это все виноградники? Должно быть очень много винограда.

– Это одна из старейших и самых больших виноделен в Тоскане, – ответила Мария. – Мой муж говорит, что она может стоить около ста миллионов евро.

Я несколько раз моргнула, а потом задохнулась.

– Что вы сейчас сказали?

– Именно поэтому Коннор и Слоан собираются оспаривать новый вариант завещания. Они росли, думая, что получат в наследство основную часть. Три миллиона фунтов просто копейки на фоне того, на что они рассчитывали.

Я едва слышала, что говорила Мария про Коннора и Слоан. Я была слишком занята подсчетами.

Сто миллионов евро?

Я представления не имела, что Антон Кларк – мой настоящий биологический отец – владел такими деньгами. Только подумать, что я могу сделать с таким состоянием! Мне никогда больше не придется волноваться, когда наступит пора платить Дотти или другим папиным сиделкам. Я прибавлю Дотти зарплату, чтобы она оставалась с нами всегда. У меня даже сможет появиться своя жизнь, может быть, я куплю себе свой дом и новую машину. Я смогу выплатить долг за инвалидный фургон, который мы только что купили, и купить папе новый компьютер с самой последней системой распознавания голоса. Да я куплю ему все на свете. Может, я даже смогу свозить его в путешествие. Самой большой его мечтой было попасть на концерт Билли Джоэла в Медисон-сквер-гарден. И я смогу купить билеты в первый ряд!

Я начала задыхаться. Я всегда чувствовала себя немного виноватой, скрывая от папы этот большой секрет все эти годы, пусть даже ради его собственного блага, но это того стоило. Теперь уже даже неважно, как я объясню эту внезапную перемену в нашей финансовой ситуации папе и Дотти, когда вернусь домой. Я что-нибудь придумаю.

Мария коснулась моего плеча.

– С вами все в порядке?

– Не знаю. Не уверена. Думаю, я в шоке.

– Я тоже, – ответила она. – Должна признаться, я удивлена, что он оставил все вам.

Я подняла взгляд.

– Но почему, ради всего святого, он это сделал?

Это было слишком много. Сто миллионов евро. Надо быть осторожной. Я не могу позволить себе попасться в ловушку, решив, что я внезапно разбогатела, только для того, чтобы позже узнать, что все это было просто большой ошибкой и я снова бедна. Конечно, было здорово мечтать о покупке нового дома и поездке с папой на концерт Билли Джоэла, но мне надо не терять почву под ногами на случай, если через несколько дней все это рухнет.

И даже если этого не случится, не лучше ли будет поделить все это с Коннором и Слоан?

– Эти письма, о которых упоминал адвокат... – сказала я.

– Может быть, они объяснят, о чем думал Антон, – предположила Мария. – Может быть, он действительно любил вашу мать. Может быть, она была великой любовью его жизни.

При этих словах я покачала головой, потому что помнила выражение лица моей матери, когда она говорила, что я ребенок другого человека. Это было выражение сожаления и стыда. В лучшем случае то, что произошло между ними, было необременительным приключением.

– Мама была здесь только одно лето, когда папа собирал материал для своей книги, – объяснила я. – Если бы она действительно любила человека, который стал моим отцом, разве она не сказала бы мне об этом?

– Может, и нет. Может быть, она не хотела, чтобы вы думали, что она меньше любит вашего отца. Ну, того, кто вас вырастил.

– Разумно. – Я встала и подошла к большому портрету георгианской семьи в золоченой раме на стене. – Но если Антон и правда любил ее, разве он не попытался бы познакомиться со мной или получить опеку? Разве только он ничего не знал обо мне до тех пор...

– Когда ваша мать умерла, – предположила Мария. – Может быть, именно тогда она наконец написала ему, в свои последние часы, когда сказала и вам. Может быть, адвокат говорил именно об этом письме.

– Она была в слишком плохом состоянии, чтобы написать письмо, – ответила я. – И я все время была с ней. Кроме того, адвокат сказал «письма», что предполагает, что их было больше одного. – Я опустила взгляд на свои руки. – В любом случае почему он лишил своих родных детей основной части своего состояния? Разве он не любил их? Я просто не понимаю этого.

Мария подошла ко мне, встав возле картины.

– Возможно, я могла бы немного просветить вас на этот счет.

– Да?

– Си. – Она помедлила, потом покраснела. – Фиона, я не люблю сплетничать, да и кто я, чтобы судить? Но, если быть честной... Я бы не могла назвать Коннора и Слоан любящими детьми. Когда они были маленькими, они были просто лапочки, и мне так нравилось, когда они приезжали. Я могу простить им то, что они не хотели ездить сюда, будучи подростками. Им не хотелось расставаться с друзьями. Это естественно. Но я не могу простить им, что, повзрослев, они настолько отдалились.

– Ну, наверно, были причины, по которым они не хотели приезжать.

– Все, что я знаю – это что Антон предпринимал все усилия, чтобы сохранить контакт с ними. Он звонил и приглашал их, но они постоянно были слишком заняты. Уж не знаю, чем именно. Никто из них никогда не работал. Но они даже в шутку не говорили ему, что попытаются заехать когда-нибудь потом. Коннор позвонил ему единственный раз, чтобы попросить денег. Антону все это было тяжело, и думаю, что в последние несколько лет он испытывал их. Он предоставлял им все возможности приехать и узнать что-то про винодельню, но они всегда говорили «нет». Подозреваю, все это только лишний раз убеждало его, что им плевать на него и его винодельню.

Я обернулась к Марии.

– То есть вы думаете, что он хотел дать им урок, оставив все мне? Или он просто мстил?

– Безусловно, он мог быть мстительным. Под конец жизни он был очень вспыльчив и раздражителен. И одинок.

– Но почему тогда не преподать урок мне? – спросила я. – Я уж точно не была любящим ребенком.

Мария посмотрела на меня.

– Может быть, переписывая завещание, он думал вовсе не о вас.

Я потерла затылок.

– Думаете, это могла быть моя мать? Но почему? Может, вина? Искупление?

Мария пожала плечами.

– Кто-нибудь здесь должен знать, что же между ними произошло.

Я вернулась к своему стулу, села и побарабанила пальцами по столу.

– Как хоть они вообще встретились?

Внезапно, подумав об обвинениях Коннора, я испытала приступ паники. В этот самый момент он наверняка звонит своим адвокатам и, возможно, частным детективам, чтобы они помогли ему доказать его обвинения – что тут было какое-то преступление, которое могло бы сделать завещание недействительным.

Что, если моя мать как-то угрожала Антону? Что, если все обернется каким-нибудь гадким образом и Коннор сумеет вытащить на свет прошлое моей матери или выставить нас охотницами за состоянием? Винодельни Маурицио были знамениты. Там, в Америке, это может стать скандальной историей.

Бедный папа. Если он узнает правду, это его убьет.

– Меня тошнит, – сказала я, опуская голову между колен.

– Принести вам что-нибудь?

– Нет. Думаю, мне просто надо найти эти письма, о которых говорил адвокат. Мне надо узнать, что же произошло на самом деле. – Ощущение тошноты в желудке никуда не делось, но я заставила себя выпрямиться. – Может быть, вы могли бы мне в этом помочь?

– Си. Я тоже хочу разобраться. – Мария начала убирать кувшин с водой и стаканы. – Позвольте мне сегодня показать вам виллу. Вы должны знать, что унаследовали. Потом я попрошу мужа поводить вас по виноградникам и показать вам винные погреба.

– Спасибо, Мария. Мне кажется, сейчас вы мой единственный друг.

Она посмотрела на меня со значением.

– Никто не должен оставаться без друзей.

Собрав стаканы на поднос, она вынесла их из комнаты.

Когда она ушла, я долго сидела, глядя на стену, размышляя и переживая. Чем в это время занимаются Коннор и Слоан?

Наверняка уж не прохлаждаются. Когда ставка сто миллионов евро.

Меня накрыло ужасной волной вины. Какое я имею право забирать у них их наследство? Даже если они были жуткими, эгоистичными детьми, я в любом случае не заслуживала ничего лучшего.

Мне правда надо понять, что же тут происходит. Эти письма необходимо отыскать.

Десятилетия спустя после того трагического лета в Тоскане Лилиан Белл часто думала: что, если бы у нее был магический хрустальный шар? Отменила бы она эту поездку? Или вообще бы даже не думала о ней? Или все же предалась бы судьбе, невзирая на все последствия?

Весной 1986 года Лилиан и Фредди Белл, вступившие в пятый год своего брака, жили в Таллахасси, Флорида. Надо признать, когда Лилиан впервые встретила Фредди, у нее в жизни было далеко не все хорошо. Она перенесла трудное детство с родителями-алкоголиками, которые перебивались временной работой и оба это ненавидели. Они жили вместе «ради ребенка», хотя давно должны были бы разойтись, буквально с самого начала их брака, потому что только и делали что пили, дрались и орали друг на друга, потом снова дрались и пили еще больше.

Наконец, когда Лилиан стало десять, отец от них ушел. Она никогда больше не видела его, но вместо того, чтобы ощущать себя брошенной и несчастной, только жалела, что он не ушел от них раньше. Или что ее мать сама этого не сделала.

Может быть, у ее матери было в генах нечто, что заставляло ее держаться за мужа, год за годом вынося словесные оскорбления и удары.

Или же это была любовь? – часто думала Лилиан. Потому что ее мать испытывала к ее отцу романтические чувства, по крайней мере сначала. Она часто вспоминала о пикниках в парке, цветах и шоколадках и о предложении выйти замуж на морском берегу, на закате, на фоне катящихся пенных волн.

Лилиан не знала, было ли все это на самом деле, но все равно любила эти истории, потому что они позволяли ей поверить в тот сказочный мир, где взрослые люди бывают счастливы вместе. И эта вера помогала ей пережить темные времена, когда родители били по ночам посуду на кухне, а Лилиан пряталась под кроватью, шепча своей кукле успокаивающие слова: «Не бойся, я тут. Я тебя спасу».

Позже, когда отец уже ушел, а сама Лилиан в старших классах начала встречаться с мальчиками, мать посоветовала ей избегать альфа-парней с большими кулаками. «Выходи замуж за доброго, – сказала она. – За человека, который и мухи не обидит».

Так что после нескольких лет свиданий с теми, кто попадал в категорию «крутых» и любил бить вещи (типа лица Лилиан об стену), во время отпуска во Флориде она встретила Фредди Белла. В Диснейленде, кто бы подумал. Простояв час в очереди, чтобы прокатиться на американских горках «Космическая гора» с двумя подружками, она была вынуждена сесть в кабинку позади них одна. И в самую последнюю секунду к ней туда вскочил Фредди Белл.

– Похоже, мы с вами прямо набор из третьих колес, – сказал он, робко улыбаясь. Он был симпатичным, с таким юношеским шармом, и ей сразу показалось, что это судьба, хотя, видит бог, она никогда не была приверженцем идеи судьбы. Но почему? Может быть, где-то глубоко внутри ей все же нравилась мысль о том, чтобы не принимать на себя ответственности за важные решения. Иногда ведь гораздо проще отдаться течению и позволить судьбе вести тебя, куда надо. Тогда тебе не придется винить себя, если течение станет бурным и вышвырнет тебя на скалы. Такая уж выпала доля.

Они с подружками провели остаток дня в Диснейленде вместе с Фредди и его компанией. Через месяц она бросила свою работу официантки в Чикаго и переехала во Флориду, чтобы быть с ним. Она считала, ей повезло, потому что он был добрым, симпатичным и прошел самый важный определяющий тест: у него были тонкие руки, способные держать карандаш, а не пробивать дыры в стенах. Он был умным – интеллектуал, который читал книги и писал стихи. Он даже учился в колледже по специальности английская литература.

Лилиан, мягко говоря, не могла поверить в свою удачу. Она где-то слышала, что женщины часто выходят замуж за копию своего отца, и поклялась себе, что никогда не попадется в эту ловушку. После нескольких тяжелых, вызывающих сожаление отношений в подростковом возрасте и ранней юности она стала мечтать о полной противоположности своему отцу. И наконец обрела ее во Фредди.

После этого дело пошло быстро. Она забеременела (хотя они думали, что были осторожны), так что они поспешили связать себя узами брака, пока никто не

догадался, что они не умеют предохраняться. К сожалению, через месяц после свадьбы Лилиан потеряла ребенка.

После чего целый ужасный год она казнила себя за то, что не смогла сохранить своего нерожденного малыша, считая это самым главным провалом в своей жизни. В какой-то момент она даже сказала Фредди, что поймет его, если он захочет уйти и начать все сначала с кем-то другим, поскольку они поженились только из-за ребенка.

Фредди уставился на нее в ужасе.

– Лил, не говори так. Я не могу жить без тебя. – Он побледнел и едва не впал в панику.

Тогда Лилиан вспомнила, что у него были свои собственные утраты – его мать ушла из семьи, когда ему было пять, и он так никогда и не смог преодолеть то, что его бросили.

Осознав свой промах, Лилиан заключила его в объятия.

– Прости. Я этого не думала. Я никогда тебя не брошу.

Ее слова успокоили его. И следующие несколько лет она честно проработала за стойкой местного отеля, финансово поддерживая семью, пока Фредди пытался исполнить мечту всей своей жизни и написать роман-бестселлер.

Но в 1986 году Лилиан больше не могла сдерживать уже знакомое стремление. Она всегда хотела стать матерью, но после выкидыша на время оставила эту мечту. Возможно, та глубокая рана в ее сердце наконец достаточно затянулась, и она набралась смелости попробовать снова.

Она заговорила об этом с Фредди во время четвертой годовщины их свадьбы, когда они сидели на пледе на пляже Таллахасси, глядя на набегающие волны.

– Ну, так что ты думаешь? – спросила она.

Прежде чем ответить, Фредди задумчиво помолчал.

– Не знаю, Лил. Это такой большой шаг. Огромная ответственность.

– Ну да, с детьми всегда так, – ответила она.

– Но тебе не кажется... Не знаю. Мне кажется, я сначала должен закончить книгу. У нас даже своего дома нет.

Ее сердце сжалось от огорчения.

– Иметь свой дом было бы неплохо – я бы очень этого хотела, – но на одну мою зарплату мы пока не можем себе это позволить, а если мы будем ждать, чтобы все было идеально, нам придется ждать вечно, и тогда будет слишком поздно. Мне уже тридцать, и ты знаешь, как я всегда хотела ребенка.

– Ну конечно знаю, – Фредди опустил глаза. – И я тоже хочу, чтобы у нас была семья. Я хочу отвечать за нее. Хочу, чтобы мы были готовы к этому материально.

– Деньги не самое главное, – возразила Лилиан, от обиды плюнув на то, что может показаться безответственной. Она хотела ребенка больше всего на свете и уже и так потратила слишком много времени от страха. – Мы что-нибудь придумаем. Как-нибудь справимся.

– Я не хочу, чтобы мы как-то справлялись, – ответил Фредди. – Я хочу быть в состоянии содержать тебя, чтобы мы жили хорошо, но как я смогу писать, если у нас будет ребенок? Тебе придется уйти с работы, а мне придется ее найти, и я никогда не смогу закончить свою книгу. – Он помотал головой. – Мы уже столько прошли. Я почти закончил. Если бы ты могла потерпеть еще немного, меня напечатают, и тогда все встанет на свои места. Ты сможешь уйти с работы, стать домашней мамочкой, и мы будем жить на мои гонорары, а я буду писать новую книгу.

Лилиан смотрела, как в небе над заливом переливаются закатные цвета. Мечта Фредди была прекрасна, но как она могла быть уверена, что она когда-то исполнится? Что, если его книгу не захотят покупать? Никогда?

– Я просто боюсь, – осторожно произнесла она. – Что ты можешь не так уж быстро найти издателя. Ты знаешь, что я в тебя верю, но ты пишешь эту книгу

уже почти три года. И написал только половину. Может, нам все же стоит попытаться и посмотреть, что получится, и, если я забеременею, ты будешь работать быстрее и постараться закончить еще до рождения ребенка. Может быть, тебе просто нужно обозначить дедлайн. Это может помочь.

Он молчал, и она уже начала бояться, что растоптала мечту всей его жизни.

– Я хотел бы работать быстрее, – сказал он. – Я хотел бы этого больше всего на свете, но, знаешь, не получается. Я трачу очень много времени на поиски материала, и без этого не могу – иначе, когда я сажусь за машинку, слова просто не идут. Я должен представлять себе полную картину. – Он огорченно покачал головой. – Наверное, мне стоит оставить это. Я же ничего не знаю про Италию. И начинаю чувствовать себя обманщиком.

Лилиан подвинулась на одеяле поближе к нему и взяла его под руку.

– Ты не обманщик. Ты прекрасно пишешь.

– Откуда тебе знать, – ответил он. – Может, я просто бесталанный урод.

Она изо всех сил старалась ободрить его и вселить в него уверенность.

– Без шансов. И я могла бы сказать тебе это наверняка, если бы ты дал мне почитать. Хотя бы несколько страниц.

Он часто обсуждал с ней сюжет, и, когда у него случались трудности, она помогала ему придумывать варианты, но он ни разу не показал ей ни одного напечатанного слова.

Фредди помотал головой.

– Нет. Это пока нельзя никому показывать. Это первая версия, она сырая, но мне надо закончить все целиком до того, как начать править.

Лилиан поджала колени к груди и задумалась, как можно было бы помочь ему закончить поскорее.

– А что, если бы мы поехали туда? – вдруг предложила она. – В те самые места, где разворачивается действие?

Он с изумлением посмотрел на нее.

– В Италию?

– Ну а почему нет? Я могу взять у своего босса отпуск за свой счет, и мы проведем лето в Тоскане. Я могу найти там сезонную работу. Только подумай, как это было бы здорово. – Она сама представила себе это и ощутила внезапный восторг, потому что никогда не бывала в Европе. Она начала представлять себе замки, булыжные мостовые... Красное вино, хлеб и пасту. И разве это не идеальное время для путешествий? Пока они не завели детей? – А если босс откажет, неважно. Я могу просто уволиться, а когда вернемся, найду что-нибудь другое. Вокруг полно отелей.

– Не знаю, Лил...

Она схватила его за плечи и потрясла.

– Ну же! Давай рискнем! Разве тебе не поможет, если ты окажешься в Тоскане и вдохнешь атмосферу тех улиц, про которые пишешь? Представь, с какой уверенностью ты сядешь описывать место действия. И ты сможешь закончить все гораздо быстрее. И тогда у нас будет та жизнь, которую мы всегда хотели, с детьми, домом и твоей настоящей писательской карьерой.

Он смотрел на нее с недоверием.

– Ты сошла с ума? А на что мы купим билеты?

– На мою кредитку, – ответила она. Я аккуратно вносила все платежи, и они все время повышали мне лимит. И мы получим обратно депозит за квартиру, потому что наш контракт на съем заканчивается в мае. Как будто прямо все звезды сошлись – чтобы все получилось.

Он окинул ее новым изумленным взглядом.

– И ты правда готова на все это ради меня? Уйти с работы и выпотрошить кредитку?

– Ну конечно, потому что я верю в тебя и хочу, чтобы ты закончил чертову книгу, и мы смогли бы завести ребенка. – Она игриво пихнула его в бок.

Они сидели и смотрели, как солнце уходит за горизонт.

– Это безумие, – пробормотал Фредди.

– Может, и так, – ответила Лилиан. – Но что-то во всем этом кажется правильным, а тебе разве нет? Ты этого не чувствуешь?

– Я не знаю...

– Это база для твоей книги, а книга – самое главное для тебя, – напомнила она ему. – Тебе надо поехать туда, Фредди.

– Возможно. – Он выдохнул. – Я просто волнуюсь, во сколько все это обойдется и сколько труда стоит организовать такую поездку.

– Не волнуйся обо всем этом, – сказала она. – Я же работаю в отельном бизнесе. Я знаю полно тревел-агентов, которые нам помогут. Я позабочусь обо всех деталях. – Она посмотрела на воду и на белеющие вдали паруса. – Не знаю почему, но у меня правда хорошее предчувствие об этом путешествии. Думаю, это поможет тебе ускорить процесс.

Она не могла отрицать, что у нее были и свои скрытые мотивы – помочь ему почувствовать себя готовым обрести настоящую семью. Оставить все отговорки.

Фредди наклонился к ней и поцеловал в щеку.

– Я тебе обещаю. Здесь и сейчас. Если мы поедем в Тоскану и я закончу книгу, ты можешь слезть с таблеток в ту же минуту, как я напишу: «Конец».

Лилиан рассмеялась.

– Я готова заставить тебя написать это.

Она повалила его на одеяло и накинулась на него с поцелуями.

Спустя два месяца Лилиан сидела, склонившись над картой, развернутой на коленях, и пыталась разобраться в узких, переплетающихся дорогах Тосканы, ища путь от крошечной квартирки в Монтепульчано на свою новую работу на Винодельнях Маурицио. Это был первый день ее обучения работе гида и работницы ресепшен в гостинице. Она нашла работу в тот же момент, как они с Фредди спустились в Риме с трапа самолета, утомленные джетлагом и ночным перелетом. Пока они ждали багаж, Лилиан сонно рассматривала доску объявлений возле выхода.

И там было оно – объявление о самой идеальной на свете работе. Винодельни Маурицио искали англоговорящего американца или канадца на летний сезон для обслуживания американских туристов. Лилиан тут же поняла, что идеально подходит для этой работы, поскольку последние четыре года проработала за стойкой ресепшен во Флориде. Она нашла телефон-автомат, позвонила договориться об интервью.

Управляющий винодельни задал ей несколько вопросов и нанял тут же, даже не спрашивая рекомендаций. Она побежала к Фредди, который как раз снимал их чемоданы с транспортера, с криком:

– Нашла!

И через три дня они уже были на пути в винодельню в старой машине, которую купили в каком-то захудалом гараже.

– На следующем налево, – сказала Лилиан, поднимая глаза от карты и изучая разворачивающийся перед ней зеленый пейзаж. Они только что объехали по кругу средневековый город Монтепульчано на вершине холма и с пугающей скоростью спускались по очередной извилистой дорожке. – И давай помедленнее!

– Я не виноват, – ответил Фредди, не отрывая глаз от зеркала заднего вида. – Это все тот придурок позади меня. Он не понимает, что надо соблюдать дистанцию.

Придурок – который ехал на сияющей красной европейской спортивной машине – вылетел на встречную полосу, не обращая внимания на то, что они были на повороте. Промчавшись мимо них, он исчез за очередным изгибом дороги.

Фредди снял ногу с педали газа.

– Вот и проваливай, приятель.

– Наверняка убиться хочет, – сказала Лилиан.

Они продолжали ехать по крутой, неровной дороге, глядя на виноградники, простирающиеся вокруг во все стороны, пока не заметили впереди нечто, кажущееся скоплением каменных зданий на вершине холма.

– Должно быть, это оно, – Фредди вытянул шею, чтобы выглянуть в боковое окно, и даже этой мгновенной утраты внимания, когда они въезжали в очередной крутой поворот, оказалось достаточно.

– Фредди!

Но он не успел среагировать. Он не повернул руль вовремя и только усугубил ситуацию, отчаянно вцепившись в него. Колеса соскользнули с дороги, и машина перевернулась. Они покатались, крутясь и сползая по крутому травянистому склону.

Лилиан была пристегнута, но ей показалось, что она летит кувырком в головокружительном кульбите. Вокруг них билось стекло и корежился металл. Весь мир взорвался, несясь к мучительному, неизбежному концу.

Когда они наконец врезались в несколько растущих на горе тополей, а мир затих и остановился, Лилиан потребовалось несколько минут, чтобы прийти в себя от шока аварии и понять, что ее сердце продолжает бешено стучать в грудной клетке.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Buongiorno (ит.) – доброе утро.

2

Bene (ит.) – хорошо.

3

Scusi (ит.) – извините.

4

Si (ит.) – да.

5

Grazie (ит.) – спасибо.

6

Prego (ит.) – пожалуйста.

7

Molto bene (ит.) – отлично.

8

Oppressore (ит.) – деспот.

9

Tiranno (ит.) – тиран.

10

Caff? (ит.) – кофе.

11

Sante dio (ит.) – О боже.

12

Porca vassa (ит.) – итальянское ругательство.

13

Tacete (ит.) – замолчи.

14

Mi dispiace (ит.). – Я приношу извинения.

15

Лос-Анджелес.

16

Элитный район в Лондоне.

17

Mio Dio (ит.) – Мой бог.

Купить: https://tellnovel.com/maklin_dzhulianna/nasledstvo-v-toskane

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)